

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

Kathy Acker
Great Expectations
Кэти Акер
Большие Надежды
Перевод Татьяны Покидаевой

ББК 84.4 США

ISBN 5-98144-044-9

© Kathy Acker, 1982
© Татьяна Покидаева, перевод, 2005
© Митин Журнал, 2005
© Kolonna Publications, 2005

Руководство изданием: Д. Боченков
Редактор: Д. Волчек
Обложка: В. Горбунова
Верстка: Е. Антонова

Кэти Акер

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Перевод Татьяны Покидаевой

1. ПЛАГИАТ

Я ВСПОМИНАЮ ДЕТСТВО

Фамилия моего отца была Пиррип, при крещении мне дали имя Филип, но из того и другого мой младенческий язык не смог слепить ничего более внятного, чем Питер. Так что я называл себя Питером, а потом и все остальные стали так меня называть.

О том, что отец мой носил фамилию Пиррип, мне достоверно известно из надписи на его могильной плите, а также со слов моей сестры – миссис Джо Гарджери, которая вышла замуж за кузнеца.

Моя мама покончила с собой в 1978-ом, в сочельник, а в сентябре 1979-го умерла моя бабушка (мамина мама). Десять дней назад (вот-вот наступит Рождество 1979-го) Теренс гадал мне на картах Таро. Гадал на судьбу. То есть не совсем на судьбу – что бы ни значило это слово, – просто карты достаточно точно, как мне показалось, обрисовали духовный план настоящего, а значит – и будущего.

Я спросила у карт про моих будущих мужиков. За этим вопросом стояли следующие размышления: Будет ли у меня что-то серьезное с тем парнем, который так славно оттрахал меня во Франции? Появится ли у меня новый бойфренд? Теренс сказал, чтобы я разделила карты на четыре кучки: земля, вода, огонь, воздух. Мой сигнификатор, 18 апреля, оказался в кучке воды, то есть чувственной фантазии. Мы изучили карты в этой кучке. Первой открылась карта с изображением толстого, мурлычущего кота с человеческим лицом, с двух сторон от нее легли Императрица и Королева Пентаклей. Эта триада, проходя через серию других триад, которые, как зеркала, все яснее и четче толковали значение

первой – ведь время коническое, оно почти в точности повторяется, – привела к последнему образу из подсознания: на Рождество весь мир отторгает ребенка, мальчика или девочку, мразь от рождения. Справа от мрази – Звезда. Слева – карта мастерства, что достигается тяжким трудом.

Теренс сказал мне, что, несмотря на мою нынешнюю удачу, внутреннюю стабильность и довольство собой, карты явно указывают на одержимость мыслью, что я – мразь. Эта поработившая меня идея связана с образом Императрицы, моего представления о матери. Я еще не родилась, а моя мать уже меня возненавидела, потому что мой отец ее бросил (из-за того, что она забеременела?), и еще потому, что она хотела оставаться ребенком своей мамы, а не стать мамой моей. Мой образ матери – источник моего творчества. Но мне больше нравится слово «сознание». Образ моей ненавистной матери блокирует сознание. Чтобы создать новый образ, мне нужно простить мать за то, что она отвергла меня и покончила с собой. Карта любви, оказавшаяся в одной из триад – это прощение, преобразующее потребность в желании.

Я ненавижу свою мать и потому делю женщин на шлюх и девственниц и не верю, что могу зачать.

Понятия не имею, как можно простить кого-то, а уж тем более мою мать. Не знаю, с чего начать: вытеснить все в подсознание невозможно, потому что это глупо, и к тому же я материалистка.

Только что мне приснилось:

Я стою в очень большой комнате на втором этаже огромного особняка в новоанглийском стиле. Комната совершенно обворожительная, но стоит из нее выйти, и я уже не могу вернуться, потому что она исчезает. В этом доме нет ни одной одинаковой комнаты.

На следующий день после того, как моя мать покончила с собой, я почувствовала, что меня окружает рамка. Внутри

этой рамки время заиклилось на себе, потому что меня вновь и вновь возвращало к моим детским травмам, и это было очень страшно, потому что теперь эти травмы стали предельно реальными: защитный буфер памяти исчез.

Времени как такового нет; оно есть.

За буферами забвения, которыми мы защищаемся от реальности, есть нечто. Это как сон: он есть, и его нет. Назовем это УЖАСОМ, назовем это АБСОЛЮТНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ. СВИНЬЯ, которую я вижу у края могилы, это я, и ничто не уничтожит эту СВИНЬЮ – ни смерть, ни людская молва. Этот УЖАС – божественный, потому что он настоящий и мне можно в НЕГО погрузиться.

Мама часто мне говорила: «Не беспокойся, правильно или неправильно ты поступаешь; беспокойся о том, что ты с этого поймешь».

Солдаты в касках, кривоногие, окостеневшие, топчут новорожденных малышей, завернутых в пурпурные, темно-лиловые шали, дети выскальзывают из рук женщин, сжавшихся под прицелами пулеметов, коза заглядывает в кабину, шофер тычет кулаком козе в морду, а дальше, у озера, полк пехотинцев из другой армии пересекает тропу, другие солдаты из той же армии выпрыгивают перед самой колонной грузовиков, первые отступают вверх по реке, белая крышка у трех терновых кустов подпирает мужскую голову, солдаты обнажают торсы в тени грязевых баррикад, женщины качивают младенцев, прижатых к груди, пот от пожаров придает особенное благоухание их размеренным движениям, оплодотворяет их лохмотья, их кожу, их плоть: салатное масло, гвоздика, хна, сливки, индиго, сурьма, у истоков реки, за отрогом, под давящей тяжестью груза: обгоревшие кедр, ячмень, пшеница, пасеки, могилы, киоски с прохладительными напитками, мусорные мешки, смоковницы, запальные фитили, стены, забрызганные мозгами, тлеющие фруктовые

сады в клубках дыма взрываются пламенем: цветочная пыльца, колосья, древесные корни, обрывки бумаги, тряпки, испачканные молоком, кровь, кора, перья – все уносится ввысь, пламя взвивается над землей вместе с ветром. Задремавшие было солдаты просыпаются за полотнищами брезента, втягивают щеки со следами слез, высушенных паром от раскаленных бортов грузовика, трутся причинным местом о пыльные колеса; грузовики спускаются к пересохшему броду, солдаты срезают розовые кусты, сок срезанных стеблей на лезвиях их ножей мешается с кровью выпотрошенных подростков, солдаты ломают молоденькие деревца, перебивают корни кованными башмаками, пока пехотинцы из другой армии карабкаются на подножки их грузовиков, в полной экипировке бросаются на их женщин, рвут лиловые лохмотья, вынимают у них из щелей набухшие кровью тампоны, которые женщины, уже после всего, вставляют обратно себе в пизду: солдат, что насилует женщину, насмерть придавливает младенца, прижатого к материнской груди

Я хочу: чтобы каждая часть изменяла (значение) всех остальных, чтобы не нашлось абсолютного/героического/деспотического/садомазохистского значения/отрывка пальцами, припудренными ониксовой пылью, солдат касается ее лица, оргазм исторгает из его рта поток слюны, стекающей на маслянистый череп младенца, прежде рьяный, а теперь обмякший член остается лежать на шали, впитывая в себя ее лилово-пурпурную краску, грузовики поглощают солдат, морпехи застегиваются, прижавшись к брезенту, обволакивающему их шеи под тяжестью ветра и дождя; в наступающей темноте их глаза блестят ярче, пальцы касаются пряжек ремней, козы с влажной от пота шерстью, взмокшие, пока их хватали на кромке тлеющих угольков, припадают к земле, как тряпки, что торчат из пизды, безъязыкий немой подросток, прикрывшись куском мешковины, скорчившись

за сидением, мочится в синюю эмалированную кружку, придерживая ее искалеченной рукой, шофер, обернувшись, касается губами голубого креста, вытатуированного у него на лбу, подросток целует его ладонь и запястье с разбухшими от спирта венами. Гусеницы бронетранспортеров дробят камни, выброшенные на дорогу ветром, солдаты спят, с их свисающих на бедра членов капает, они – как скот, шофер грузовика сплевывает черной слюной, под левым глазом щека раздулась от укуса осы, карманы набиты черным виноградом, красная от загара голова седого старика подпрыгивает на листе железа под рычагом скоростей, у него на подбородке засыхает черная слюна шофера, шофер наступает ему на затылок кованым каблуком, вырывает несколько белоснежных прядей, снизу по железу барабанят осколки камней

Моя мама – самая красивая женщина на свете. У нее черные волосы, зеленые глаза, которые становятся то серыми, то карими, в соответствии с ее настроением или с теми колесами, на которых она сидит. Цвет лица, розовато-бледный, подчеркивает полноту ее губ, кожа нежная, и на щеках – словно персик: без царапин, без красноты, без белых растяжек. В словаре нет таких слов, чтобы описать ее точеные, изысканные черты. Ее тело – такое же утонченное и изящное, хотя и слегка полноватое, даже оплывшее, потому что она не утруждает себя физическими упражнениями и носит грацию. Ее рост – пять футов, шесть дюймов. Вес – обычно под 120 фунтов, хотя она и принимает таблетки для похудения. Ее груди кажутся больше и тяжелее, потому что отвисают. Соски – большие и бледно-розовые. На коже вокруг сосков и на ногах выше колен проступают варикозные вены. Ее бедра, грудь и живот – очень бледные, белые. Волосы на пизде – кудрявые и густые.

У нее тонкая талия, запястья и лодыжки. Основной ее вес – тяжесть этих грудей обманчива – приходится на бедра: у нее

пышная задница и лишний жирок на бедрах – кожа там дрябловатая и рябая. Кожа внизу живота кажется бледнее, чем следует. Такая бледная, хрупкая, на грани уродства; в целом: чуть отвисшая, но не слишком большая грудь, тонкая талия, здоровенная задница – это значительно сексапильнее НАДО ДОБАВИТЬ О СТРАСТИ чем более крепкое и подтянутое стильное тело.

Мама – это такой человек, которого я люблю больше всех на свете. Она – моя сестра. Она играет со мной. Кроме нее, в моем мире больше нет никого, кроме смутной фигуры таинственного отца, который если и существует, то только отчасти, всегда пребывая в тени, и жалкого недоразумения, которое я называю сестрой. Я смотрю на маму, как она надевает свой облегающий рыжевато-коричневый свитер. Она всегда носит белые лифчики с кружевным верхом, которые кажутся грязноватыми. Она с трудом втискивается в огромные белые трусики-грацию и говорит, что ненавидит такие трусы. Она стоит перед зеркалом. Рядом комод, тоже зеркальный. В зеркалах отражается мебель, вся до последнего дюйма, кроме двух двуспальных кроватей, отцовского кресла и телевизора, но они совершенно не сладострастные с виду. Теперь мать надевает юбку – коричневую, узкую и прямую. Она носит только облегающие свитера и узкие прямые юбки. Все ее вещи – старые и очень шикарные. Она слегка задирает юбку и натягивает прозрачные чулки.

Она говорит, чтобы я одевалась. Надела пальто и белые перчатки. Потому что мы идем гулять.

Сегодня Рождество. Улицы, занесенные снегом – чистым и белым – кажутся волшебными. Когда мы доходим до парка под мостом на 59-ой улице, я говорю себе: «Это нетронутый снег, здесь еще не ступала нога человека». Я наступаю на каждое пятнышко нетронутого снега. Сугробы такие высокие, что по ним трудно идти. Я падаю в снег и смеюсь. Мама

падает рядом и тоже смеется. Моя одежда уже намокает – особенно брючки, натянутые на сапожки. Я лежу в этом волшебном снегу, и красивое желтое солнце светит на меня сверху, лежу долго-долго, а потом чей-то голос у меня в голове (мой или мамин) говорит:

– Ну вот, теперь ты знаешь, что это такое, пора уходить.

Мама хочет клубничного лимонада. Сегодня мама такая добрая и хорошая, и я люблю ее, ласково и бесхитростно, когда она такая хорошая. Мы с ней сидим на круглых красных виниловых вращающихся табуретах у белой стойки. Мама пьет клубничную газировку с клубничным мороженым. Я вижу, как она улыбается. Толстый дядечка средних лет думает, что мы сестры. Моя мама – очень красивая и молодая.

В лагере: самцы устанавливают палатки вдоль траншеи, забитой дерьмом: под согнутыми бесцветными тростниками искрится розоватое месиво из рвоты и мясных объедков, солдаты грубо отталкивают самок, которые пытаются уложить своих детенышей в тени расставленных палаток, а те ногами и кулаками колотят в спины самцов, нагнувшихся над брезентовыми полотнищами, бьют их по почкам. Два самца привязывают скотину за палатками, подросток с грязной задницей, сидя на корточках на изъеденной солью траве, тяжело дышит, его лицо – все в пыли, голова безжизненно свесилась на плечо, лиловые глаза неотрывно следят за тем, как устанавливают палатки, солдат, откормленный курчавый брюнет, чьи щеки, раздувшиеся от черного мяса, касаются рябых мочек ушей, присев рядом с маленькой девочкой, гладит ее затылок, лезет рукой под прикрывающие ее горло лохмотья, щупает грудки, подмышки: девочка закрывает глаза, ее пальцы касаются измазанного виноградным соком запястья солдата, порыв ветра поднимает с куч испражнений кусочки пленки и страницы порножурналов, разодранных

скорчившимися над ямами солдатами, что, стиснув зубы, выдавливает из себя дерьмо, дерьмо обжигает мышцы, сведенные насильем. Солдаты бродят вокруг палаток в свете гаснущего костра, развязывают веревки, заползают в палатки по песку, куски брезента трутся об их поясицы, изъеденные чесоткой, самцы, самки, все – сплошной бликующий нерв, теснятся вокруг свечей, не желая ничего слышать, подростки, засунув головы в мешки, жуют сырую муку, детеныши вытаскивают нитки из зубов, надевают свои лохмотья, опять прикрывают мешками обвисшие груди своих матерей, слизывают пережеванную муку, оставшуюся на губах

Мама считает отца ничтожеством. Она его презирает и донимает язвительными придирками. Вот как сейчас. Сидя на кровати, застеленной белым стеганым покрывалом, она говорит:

– Почему ты всегда сидишь дома, Бад? Никуда не выходишь по вечерам. Только и делаешь, что спишь.

– Слушай, Клер, дай мне спокойно посмотреть футбол. Сегодня же воскресенье.

– Почему ты не водишь мамочку повеселиться, папа? Ей же скучно.

На самом деле, я думаю, что моя мама – та еще стерва.

– Нельзя же все время спать. Это вредно, Бад.

– Клер, сегодня у меня единственный выходной. Я хочу посмотреть футбол. Я работаю шесть дней в неделю, вкалываю, как проклятый, чтобы у вас с детьми было, что кушать, и чтобы у нас была крыша над головой. Я даю тебе все, что нужно.

«Папа, ты дурак». «Папа, ты даже не знаешь, кто такой Достоевский». «Что с тобой, папа?»

Папа напился и по-прежнему ноет, но теперь ноет очень гадко. Говорит маме, что он каждый день в шесть утра уходит

на работу и возвращается после шести вечера, что он света белого не видит (но мы все знаем, что это такая шутка, потому что работа у папы – не бей лежачего: на это место его устроил отец моей матери, год назад, когда продавали дело; по условиям сделки папу оставили на месте «менеджера» при новых хозяевах, с окладом в 50 000 долларов в год. Мы все знаем, что папа ходит на работу, потому что он там нажирается, и потому, что там нету мамы, которая вечно ворчит). Он говорит маме, что купил ей ее первую шубу. Папа – он тихий и незлобный. Он никогда не бьет маму.

Папаша хватает свечу, курчавый брюнет, перекатывая в красном рту куски черного мяса, вынимает свой нож: его рука стремительно прикрывает член, обмотанный ярко-красным тряпьем, щиплет его, сжимает, курчавый брюнет подтаскивает к себе за ляжку сонную девочку, она скользит по песку ко входу в палатку, у одного из солдат изувечен лоб, орел снял с него скальп, когда тот насильовал женщину прямо в орлином гнезде, где лежали яйца, поры другого сочатся желчью, эти двое удерживают отца, затыкают ему рот, он пытается поджечь их волосы горячей свечой, курчавый брюнет берет девочку на руки, она посапывает во сне, ладонь на лбу разжалась от тряски, в свете затянутой дымкой луны его голые руки кажутся зелеными, он задыхается и хрипит, предвкушая насилие, на его обнаженной груди выступает обильный пот, девочка просыпается, я вошла в спальню родителей, открыла дверь в ванную, даже не знаю зачем, отец стоял голый над унитазом, я в жизни не видела его голым, я потрясена, он захлопывает дверь у меня перед носом, а мне любопытно, я столько раз видела маму голой, она всегда ходит голой, она наблюдает, видит в открытом рту кусок черного мяса, мясо, застрявшее между клыков, комок мяса у него за щекой, курчавый брюнет ставит ее на ноги, прижимает к решетке псарни, обнимает ее, целует в рот, в уши, где шелестит

окровавленная сера, его рука расстегивает штаны, достает член, девочка жадно всасывает в себя мясо, перекатывающееся за щеками курчавого брюнета, жует его, закрывает глаза, раскинув руки по решетке, и курчавый брюнет, возбужденный этим лихорадочным сокращением мышц от щек к животу, солдат с непокрытой головой, взметнув ногами соломенную пыль, спускает в нее струю белой обжигающей спермы, разбуженные лязгом решетки собаки выскакивают из будок, их цепи поблескивают, со мной обращаются, как с собакой, волочатся по экскрементам, курчавый брюнет покусывает десны девочки, он пропихивает между своих зубов волоконца мяса, и девочка подбирает их языком у него на зубах, собаки жалобно воют, перемалывая лапами затвердевшие экскременты, цепи звенят по щебенке, курчавый брюнет сжимает коленями бедра девочки.

Папа лежит в больнице с третьим сердечным приступом. Моя бабушка, мамина мама, стоит в дверях палаты, и я знаю, что папа слышит, как она говорит моей маме:

– Надо признать, Клер, что он был хорошим мужем. Он не бросил тебя и дал тебе все, что нужно.

– Да.

– Ты его не любишь.

– Да.

Я знаю, что бабушка ненавидит отца.

Я не беру сторону мамы против отца, как это делает моя сестрица. Я просто не воспринимаю отца. Мама – это обожание, ненависть и игра. Мама – это весь мир. Мама – это мой ребенок. Моя мама – точно такая, какой ей хочется быть.

Весь мир, все сознание вращаются вокруг моей мамы.

Я даже не представляю, какая она, моя мама. Поэтому, что бы они ни делала, она все равно – чудовище. Всё вокруг – чудовище. Я ненавижу все это. Я хочу убежать из дома. Сбежать

от этого Зеленого Великана. В любую другую страну. Все страны прекрасны и удивительны, пока ты про них ничего не знаешь. Мне снится сон: я убегаю от каких-то людей, которые собираются меня обесчестить. Я люблю мамочку. Я знаю, что мамочка крепко сидит на дексе, а когда не сидит на дексе, лопает пачками либриум, чтобы нейтрализовать нервозность, происходящую от декса, так что она раздражена больше обычного. После второго оргазма плечи ее холодеют, руки девочки по-прежнему сцеплены на потной заднице курчавого брюнета, сетка скрипит, подается, курчавый брюнет подминает девочку под себя, штаны приспущены до колен, его ногти скребут землю, он тяжело дышит девочке в щеку, задыхается, выдувает соломенную пыль, слепая девочка двигает животом, раздавленным брюшным прессом курчавого, пролетающий мимо ветер меняет тональность органических звуков, вот почему один текст обязательно должен ниспровергать (смысл, значение) другого текста, пока не останется только музыка, где-то на заднем плане, как рэги: неразрывность связей текстовой фактуры, органическое естество (не значение) восстанавливается, исцеляется, глупое, безобразное, жуткое, мешанина всего, гнусная, гадкая тупизна, блевотина, это в-выпученных-глазах-навечно-застывшее-омерзение-то-от-чего-все-бегут-всегда-хочется-быть-одной, оно заражает маму, мою мамочку, слепота, ногти, плевки, косящие глаза, мечущийся взгляд, опустошенная мошонка курчавого расплывается на бедре девочки. Под пальмами морпехи хватают и тащат в палатку потерявшую сознание женщину, ее сжимает в объятьях белокурый солдат с багровым лицом, взгляд, как горящие угли, его глаза, моча мешает ему спустить сперму, их руки, их губы лизут, ласкают искаженное лицо женщины под испачканной мазутом, винищем ладонью блондинистого солдата, который поддерживает ее тело, вся в грязи, девочка ИСЦЕЛЯЕТСЯ,

Нью-Йорк – очень красивый и тихий, бледно-серый туман торжественно уплывает вверх, словно открывая мне мир, и сам я когда-то был здесь таким маленьким и равнодушным, а то, что ждет меня впереди, представляется таким неведомым и огромным, что теперь я расплакался. Я прикасаюсь рукой к бетону у себя под ногами и говорю:

– Прощай, мой милый, мой добрый друг!

Видит бог, мы напрасно стыдимся своих слез, – они, как дождь, смывают с земли душную пыль: с наших черствых, эгоистичных сердец. Я поплакал, и мне стало легче: теперь я чувствую, кто я, и я стал более открытым. Мне так не хватает друзей.

На этом кончается первый этап моей жизни. Я – человек БОЛЬШИХ НАДЕЖД.

Я ЕДУ ЗА СВОИМ НАСЛЕДСТВОМ

Мой адвокат, мистер Гордон, как и было условлено, своевременно сообщил мне свой адрес; а от руки на его карточке было приписано: «Не доезжая Александрии, у самой стоянки такси». Однако таксист, у которого поверх засаленного пальто надето столько же теплых курток, сколько ему лет, так старательно упаковывает меня в свою машину и закупоривает внутри, закрывая все дверцы и окна и запирая дверцы на замки, словно готовится везти за пятьдесят миль. Он бесконечно долго взбирается на водительское сидение, покрытое старым, вылинявшим гороховым чехлом с бахромой, который моль превратила в сплошные лохмотья. Это диковинное такси: с шестью большими бибикалками у водительского окна, снаружи, и с какими-то потрепанными петлями сзади, за которые могли бы схватиться даже не знаю сколько детишек, и с целым частоколом гвоздей чуть ниже, чтобы любителям бесплатного катанья на запятках не вздумалось поддаться соблазну.

Не успел я удобно усесться и решить, что такси сильно напоминает овин, но еще больше – лавку старьевщика, и подивиться, зачем нужно хранить в салоне торбы с овсом, как заметил, что таксист готовится открыть свою дверцу, словно мы уже подъезжаем. И действительно, очень скоро такси остановилось на мрачной улице, перед конторой, на открытой двери которой было выведено: «ЕГИПЕТ».

Мы идем вдоль акведука, по которому вода поступает в крепость. Бродячие псы спят и гуляют на солнышке. В небе кружат стервятники. Псы рвут зубами останки дохлого осла, и особенно – голову, на которой еще сохранилась вся кожа: голова – наименее съедобная часть скелета. Птицы всегда

начинают с глаз; собаки любят живот или кожу на заднице. Они продвигаются от самого мягкого к самому жесткому.

Эта старуха прямо умоляет, чтобы я ее выебал. А мне противно. Когда меня распирает кому-нибудь вставить, я предпочитаю молоденьких мальчиков. Она оголяет свои длинные и плоские сиськи, похожие на двух червяков – они свисают чуть ли не до пупа. Она оглаживает их руками. У нее приятная улыбка. Ее голова клонится на сторону; губы приоткрываются, обнажая желтые зубы. Еще одна старая вешалка замечает меня в этом дворе, проходится передо мной колесом, демонстрирует свою задницу. Она делает так каждый раз, когда видит мужчину – потому что ей страсть как хочется мужика. Женщина танцует, кружась по комнате, пинает жестяной унитаз, – ведет себя в точности, как мы представляем сумасшедших, – потому что никто ее не любит.

Уже три ночи подряд я гоняюсь за этим мальчишкой, за этим ничтожеством, меня бесит, что я не могу его заполучить, меня бесит, что я получаю, чего мне не хочется, и не получаю, чего хочу. Еще прежде, чем я на него прибилась, я его видела каждый вечер в «Паласе». У него очень хорошенькая подружка, такая блондиночка, просто прелесть, но он сам еще симпатичнее, и поэтому я его не хотела. Однажды он у меня спросил, что я делаю, когда мы с ним не видимся. Ему трудно со мной разговаривать, потому что он очень застенчивый мальчик. С той ночи я в него втрескалась по уши, но каждый раз, когда я возвращалась в «Палас», каждый вечер на этой неделе – мной движет только безумная страсть – каждый вечер на этой неделе, его там нет.

Жизнь здесь тихая и спокойная – уединенная, сокровенная. Солнце слепит глаза, когда ты вдруг выходишь из этих

узеньких улочек, где навесы прикрытых ставнями окон в домах с двух сторон касаются друг друга над мостовой.

Иногда я задумываюсь о будущем... Я не хочу покидать эту жизнь и возвращаться в Нью-Йорк, в этот ужас. Что я там буду делать, в Нью-Йорке? Что я, вообще, могу сделать, чтобы Нью-Йорк перестал быть кошмаром? Пока он не накроет меня и не сожрет целиком. Мне страшно. Мне очень страшно.

Я – зашуганная кошка. От всего убегаю. Мне позволяют бездельничать. И в этом все дело.

Я никогда не задумывалась о своих проблемах. Не хотела задумываться. Я умру в шестьдесят, так в себе толком не разобравшись. Я составила список человеческих качеств: и каждый раз, когда я обнаруживаю в себе определенное качество, тут же оказывается, что во мне есть и прямо противоположное.

Как получилось, что я все время одна?

Но меня это мало волнует: я живу, как растение – впитываю солнечный свет, наливаюсь цветом и пью свежий воздух. Я питаюсь, а после еды надо переварить пищу, а потом – покакать. И лучше, чтобы говно было хорошим! Вот что действительно важно.

Уже светает – у меня жжет глаза, как бывает, когда ты не спишь всю ночь. Мимо проходят какие-то греческие аристократки. Из-под их вуалей веет приятными ароматами, – от их локтей, когда они поднимают руки, чтобы подправить вуали, и от краешков самих вуалей, колышущихся на сквозняке. В воображении мне рисуются розовые чулки и острый носок желтой туфли без задника.

Снова в Нью-Йорке. Десятый этаж многоквартирного дома на углу 73-ей улицы и Третьей авеню:

МУЖЕНЕК: Пока, дорогая. (Повысив голос) Я поехал. На охоту, на Лонг-Айленд.

ЖЕНУШКА (входит в гостиную, застеленную ковролином): Ты что, хочешь бросить меня одну? На Рождество?!

МУЖЕНЕК: У меня отпуск. Весь год я вкалываю, как проклятый, чтобы ты могла покупать себе цапки и ходить вся в мехах. Могу я хоть раз в жизни сделать как мне хочется?! Хотя бы на Рождество.

ЖЕНУШКА: Ты бросаешь нас на Рождество! Ах ты, подлец. Нет, ну какая скотина. Мама всегда говорила, что ты подлец, а у нее-то денег побольше, чем у тебя. Не знаю, как меня угораздило выйти за тебя замуж. Почему я согласилась? Уж явно не из-за денег. (Начинает рыдать)

МУЖЕНЕК: Дорогая, не надо. (Он сразу теряется, когда видит, как женщина плачет. Чувствует себя таким беспомощным.) А то дети увидят и подумают что-то не то.

ЖЕНУШКА: У нас нет детей. И это ты виноват, только ты.

МУЖЕНЕК: Я всегда и во всем виноват. Что бы ни происходило, виноват всегда я. Когда тебе было четыре года, и у тебя умерла собака – это я был виноват. Когда на атомной станции на Три-Майл-Айленд была авария и твоя мама выкинула на помойку новую микроволновку от «Дженерал Электрик», потому что решила, что внутри размножаются марсиане-пришельцы – виноват снова я. Твои друзья-коммунисты из актерской богемы говорят, что я человек аполитичный, потому что не стою на углу, не выгляжу, как какой-то ханыга, и не всучиваю прохожим эти листочки («СЕМИОТЕКСТ»¹), которые они называют газетой, причем, не каждый ханыга возьмет эту жуть, даже чтобы задницу подтереть, просто коммунизм какой-то, а потом они говорят, что я виноват, что все так плохо. А я только и делаю, что работаю целыми днями! И никогда ни на что не жалуюсь! Я

---

¹ «Семиотекст» – издательство левых интеллектуалов, преимущественно выпускающее переводы работ французских философов-структуралистов. В 1991 году вышло титло книги Кэти Акер «Мой отец Ганнибал Лектер». (прим. переводчика).

делаю все, что положено делать мужчине-американцу в моем возрасте. Но я всегда и во всем виноват.

ЖЕНУШКА (очень сдержано): Да, ТЫ во всем виноват. (Снова начинает рыдать.)

Ты меня совсем не любишь, совсем. Ты не хочешь, чтобы я была твоей маленькой девочкой. Я... ыыыы (хватает мужа обеими руками за отворот красно-черной охотничьей куртки). Я... уууу. Ты что, правда, меня не любишь? Бобби? Ведь ты меня любишь, да, и никогда не обидишь, и не бросишь меня, потому что я так люблю тебя, так люблю...

МУЖЕНЕК (совсем сбит с толку): Конечно, я тебя люблю. (Подхватывает ее на руки. У него большие и сильные руки. Он несет ее в спальню. Пихает свой член в ее розовые трусики из вискозы. Кончает. Он хочет делать то, что хочет.)

ЖЕНУШКА: Ты обещал. Нельзя нарушать обещания. Ты никуда не поедешь.

МУЖЕНЕК: Черт. (Любовно ласкает свой старый «винчестер». Подходит к большому окну в гостиной, выставляет винтовку наружу. Стреляет в уличный фонарь, который светится красным.) Черт, черт, черт.

ЖЕНУШКА: Что ты делаешь, Бобби? Ты разве не знаешь, что мы все – все жители дома – договорились соблюдать тишину по ночам?

МУЖЕНЕК: Я могу попрактиковаться в стрельбе прямо здесь. Пиф-паф, пиф-паф (сопровождает каждое «паф» нажатием на курок). Три подстреленных фонаря. Попробуй сейчас перейти через улицу, президент Картер.

ЖЕНУШКА: Не оскорбляй президента Картера.

МУЖЕНЕК: Пиф-паф. (Пуля пробивает шляпу какого-то бизнесмена на улице. Бизнесмен этого не замечает.) Пиф-паф, пиф-паф, пиф-паф, пиф-паф. (Уличные фонари под окнами Мэри и Бобби гаснут один за другим.) А наши местные хулиганы должны сказать мне спасибо: сегодня ночью они могут

спокойно дрючить своих девчонок в подворотнях, а стражи порядка ничего не заметят.

ЖЕНУШКА: Мама меня предупреждала, что ты выкинешь что-то подобное, если тебе не дадут поступать по-своему. Тебе нужно, чтобы на тебя обращали внимание, чтобы с тобой все носились. Дай тебе волю, ты навсегда останешься большим ребенком. Но мне, знаешь ли, надоело с тобой возиться. Мне надо подумать и о себе.

МУЖЕНЕК: Пиф-паф. (Подстреливает четырехлетнюю девочку в голубенькой курточке. Ее обдолбанная мамаша настолько потрясена, что даже не может кричать. Начинается снегопад.) Да, наверное, на Рождество будет снег.

ЖЕНУШКА: Ой, я так рада! А ты разве не рад, что остался дома на Рождество?

Сцена 2. Монолог муженька.

ЖЕНУШКА: Фрэнк, ты куда?

МУЖЕНЕК (надевая драную куртку хаки поверх клетчатой охотничьей куртки): Солнышко, я на минутку. Там есть еще парочка целей, которые мне не достать отсюда.

ЖЕНУШКА (вставая в дверях в позе распятого Христа): В такую холодную ночь я тебя никуда не пущу. Мало ли что может случиться.

МУЖЕНЕК (вешая на плечо винтовку): Не говори глупостей, Мэри. Что со мной может случиться?

ЖЕНУШКА: Ты там напьешься, спутаешься с нехорошими женщинами и Бог знает что еще, а ведь к семи придут Джози и Эрмина.

МУЖЕНЕК: О, Господи. Только этих алкоголичек тут и не хватало.

ЖЕНУШКА: Джози и Эрмина – не алкоголички. Эрмина зарабатывает 57 000 долларов в год.

МУЖЕНЕК: Они всегда выдувают все виски в доме. Знаешь, что: если они придут, я пиф-паф из винчестера, и к утру тут не останется ни одного нищего. Я же обещал, что устрою тебе чудесное Рождество.

ЖЕНУШКА: Если хочешь стрелять, иди на улицу. Я только что вымыла кухню.

На улице

МУЖЕНЕК: Вот мы водим хоровод, тут шелковица растет, тут шелковица растет, тут шелковица растет... Я снова маленький мальчик. Я снова счастлив. В последний раз я был счастлив, когда надрался с той черной шлюшкой, которая все грозила поджечь мне яйца своей биковской зажигалкой, потому что я отпускал всякие шутки насчет ее младшей сестры. Женщины – они слишком чувствительные. Взять хотя бы мою жену. Предчувствия у нее нехорошие! (Вокруг муженька смыкаются густые черные тени.) Это надо же так распалиться... из-за ерунды... из-за какой-то четырехлетней малявки, которая все равно через два года крепко подсядет на героин. Они все на него подсаживаются, все бабы. А я теперь могу делать все, что хочу.

Есть что-то еще? Есть что-то еще, что мне надо знать?

Я, Питер, не знаю. Потому что обожаю отца. До безумия. Мой отец был бедным немецким евреем, беженцем и эмигрантом. Он приехал в Америку и открыл свое дело – весьма успешное предприятие по изготовлению дамских шляпок, – еще в те времена, когда людям не разрешалось иметь свое дело. Потом он женился на состоятельной женщине, ну, тогда все мужчины так делали – это был единственный способ добиться успеха. Либо жениться на состоятельной женщине,

либо уйти в сутенеры. Женщины не понимают, что брак для мужчин – это бизнес. Одежда, косметика, все эти штуки, которые женщины недооценивают. Они хотят, чтобы мужчины все это носили, а потом говорят: «Не важно, что носят мужчины». Женитьба и секс – вот единственный бизнес, доступный мужчинам. Мой отец был убежден, что деньги – это все; и у него было право так думать; у него просто не было выбора, он не мог думать иначе, учитывая где он жил и когда, и он все же добился успеха.

К несчастью, я не оправдал его ожиданий, потому что не стремлюсь зарабатывать деньги. И я не знаю, что делать, потому что очень его уважаю: и просто как человека, и за то, что он сделал.

Моя мать – тупица, моя мать – медуза. Отвратительнее ее нет ничего на свете. Больше всего я боюсь, что и во мне есть что-то от этой медузы.

Моя мать, медуза, хочет, чтобы я оставался таким, как есть.

Так что я отключаюсь. Я решил, что не буду ни на что реагировать. Я больше ничего не знаю. Я не могу общаться с людьми. Я не понимаю язык.

Меня называют ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ. Но я тоже человек. Мне по-прежнему хочется секса. У меня по-прежнему есть член. Я просто не верю, что у меня есть возможность общаться с людьми в этом мире.

Я ненавижу, когда от меня хотят, чтобы я вел себя так, как будто могу и умею общаться. Я не хочу, чтобы мне опять было больно, потому что я испытал уже столько боли.

Мое представление о счастье – полное оцепенение. Бесчувствие.

Из того, что я видел и что читал, следует вывод, что люди, которые живут в Египте, не так уж сильно ненавидят свое житье.

Я чувствую чувствую чувствую у меня нет языка нет речи, для меня всякое чувство – тюрьма

Я считаю, что разговоры с людьми, любое действие в этом мире, причинение боли ближним – это магические деяния. Я люблюсь в людей, которые именно так и живут

Я считаю, что все эти категории: этот языковой и логический способ общения (восприятия) – неверен.

НЕ СУЩЕСТВУЕТ ТАКИХ ПОНЯТИЙ, КАК ВЛАСТЬ И БЕССИЛИЕ. К примеру, я, Питер, предельно пассивен, или беспомощен. Я живу в мире, где одна великая держава, США, пытается искусственно развязать войну с другой великой державой – чтобы увеличить свой военный бюджет. Богатые коммерсанты становятся только богаче, а войны всегда топчут бедняков. Мы совершенно бессильны.

Все, что происходит в уме – настоящее.

Дорогой Питер,

По моему скромному мнению, твоя новая подружка – та еще тварь. Она уже вся завралась, и кожа у нее желтая не потому, что она китаянка, как она утверждает, а из-за разлития желчи. Она симпатичная лишь потому, что всегда носит маску. Она тебя зацепила своей свежей тугой пизденкой: это всего лишь похоть. Я знаю, как ты заморачиваешься на сексе, потому что ты был некрасивым и толстым подростком и тебе не давали девчонки. Но ты не знаешь, что эта пизда буквально сочится ядом – не только желчью – ядом, который в тысячу

раз сильнее кокаина, которым она тебя пичкает, чтобы привязать к себе – там у нее несколько ядов, но самый опасный – смертельный яд, созданный доктором Фу Манчу, этот яд проникает сквозь член, окрашивает его верхнюю половину в лиловый цвет, а нижнюю – в ярко-красный, человек слепнет и не видит, что с ним происходит, и, в конце концов, умирает. Твоя новая подружка ненормальная. И она тебя травит.

С любовью,

Роза

PS Для чего я все это рассказываю? Для твоей же пользы.

Дорогой Питер,

Я хочу, чтобы ты распалился и кончил; чтобы ты облил меня всю. Я хочу тебя только для секса. Когда я буду уверена, что снова смогу тебя заполучить, я, возможно, стану тебя игнорировать, хотя и знаю, что это будет большая глупость. Потому что тогда ты сбежишь без оглядки. А я снова буду тебя хотеть так безудержно и мучительно и придумаю еще более изысканный и затяжной способ самоубийства, чем все, которые я испробовала на себе (типа лоботомии, у меня в семье все говорят, что я робот из стали) за те два года, как ты меня бросил. Наш роман был самым пылким на свете, я всем об этом рассказываю. Секс далеко не всегда подразумевает любовную связь. Любовная связь – это когда двое вместе, и каждый делает все, что хочет, а партнер понимает, что даже самое невероятное поведение – это нормально.

С любовью,

Роза

Дальше – больше

Дорогой Сильвэр,

Так тебе и надо. Я же предупреждала, что так все и будет. Теперь, когда мы протрахались целую ночь, я в тебя влюблена. Я пишу эту записку, чтобы пересказать тебе новости, а новости

малоприятные. Буквально пару минут назад меня забрали в полицию – за то, что я украла экземпляр «Семиотекста». Ты столько рассказывал, как с твоей легкой руки в Италии пошла мода на терроризм: неужели моя бедная задница здесь, в Нью-Йорке, для тебя ничего не стоит – хотя бы по пенни с каждого доллара за задницу каждого итальянского террориста? Ты не должен меня обижать, потому что я – как маленькая девочка, такая же беспомощная. И еще постарайся добиться, чтобы тебе разрешили со мной свидание, и принеси мне белье. И еще свою кошку, потому что мне нужно, чтобы рядом был кто-то, кто меня любит, а тебе вообще ничего не нужно. Как у тебя дела? Мой хороший, мне так неприятно, что со мной такое случилось. Но давай смотреть правде в глаза: есть люди, которым везет от рождения. А я всего лишь старуха, у которой выпадают зубы. Я очень надеюсь, что ты меня вытащишь. Мне так хочется прижаться к тебе, прижаться к тебе долго-долго – три часа в неделю, не больше. Помнишь, что мы вытворяем вдвоем, когда моя паранойя слегка утихает и я могу с тобой встречаться. Попытайся уразуметь единственную реальность реального мира: всем на все наплевать. Встань на колени, любовь моя, и поцелуй землю,

С любовью,

Роза

Мы доказали, что общение между людьми невозможно

Дорогая Сьюзан Зонтаг,

Не могли бы Вы прочитать мои книги и сделать меня знаменитой? На самом деле, мне вовсе не хочется быть знаменитой, потому что тогда все эти люди, такие нудные, будут меня узнавать на улице, и подходить ко мне, и докучать, я уже ненавижу тех, кто звонит мне по телефону, потому что вечно тешу себя иллюзиями. Теперь я понимаю, что эти иллюзии – значительно интереснее, чем все, что может случиться со

мной в Нью-Йорке. Хотя все и твердят, что Нью-Йорк – самый обворожительный город на свете. За исключением тех мгновений, когда меня пялит Сильвэр. Жаль, что я не говорю по-английски. Дорогая Сюзан Зонтаг, научите меня говорить по-английски. Бесплатно, потому что, как Вы понимаете, я художник, а художники – такие люди, которые по определению никогда ни за что не платят, даже притом, что они распродают свои выставки по 10 000 долларов за картину еще до начала вернисажа. Все мои друзья-художники умирали голодной смертью еще до того, как они появились в утробах своих буржуазных матерей; они очень любят рассказывать, как они умирают голодной смертью, и особенно – когда заказывают себе пиво в клубе «Мадд» по 2,5 доллара за кружку. Бедность – одна самых отвратных черт человеческого существования: а противнее художников, которые любят поговорить о том, какие они подонки – недоделанные художники, или художники наполовину, ханжи, АКАДЕМИКИ, которые провозглашают, что бедность – это модно, И ХОТЯТ БЫТЬ БЕДНЫМИ, и презирают белые шелковые носовые платки, которые мне достались от покойницы-бабушки – она все-таки сделала кое-что и для меня, хотя бы раз в жизни (умерла), – потому что эти КРИТИКАНЫ не знают, что это такое, когда тебе на протяжении десяти лет приходится зарабатывать, говоря мужикам, какие они замечательные, потому что тебе так отчаянно нужны деньги. Надеюсь, это общество все-таки пойдет к черту. Я понимаю, что Вы образованный человек, Сюзан Зонтаг,

С уважением,

Роза

Дорогой Дэвид,

Ты уже стал тибетским монахом? Раньше я тебя ненавидела, потому что ты не любил меня так, как мне хочется –

больше жизни. Я всегда жду и надеюсь, что все мои мужики будут любить меня больше жизни. Но теперь, по прошествии времени, я понимаю, что тоже была эгоисткой: я не должна была требовать, чтобы ты перестал быть таким убежденным женоненавистником и садистом, пусть даже и тихой сапой. Я понимаю, как это трудно – быть богатым, потому что богатых людей так учат, в них вбивают, что бедность – порок, и учат вести себя так, будто им надо работать и добиваться успеха. Твои объяснения, что ты бросил записывать свои фантазии, чтобы вплотную заняться коммерческими сценариями для Голливуда, потому что тебе вдруг понадобились эти 150 000 долларов от Френсиса Форда Coppoly, хотя твоя недвижимость ежемесячно приносит тебе совсем неплохой доход, вполне могут соперничать со статьей какого-нибудь профессора о сходстве нацизма и «Моби Дика». С той лишь разницей, что университетскому профессору действительно нужно зарабатывать себе на жизнь. Язык и речь теперь вообще ничего не значат. Когда мы с тобой шли по Второй авеню, и ты мне втирал, что ты тоже бедный – такой же, как я, – а мне на следующий день надо было идти на съемки, я снималась тогда в порнофильмах, где меня пялили всякие жеребцы с болтами в тринадцать дюймов, чтобы отдать Питеру, моему мужу, чертовы деньги за его квартиру, это было еще не так плохо, по сравнению с тем, как со мной обращались другие мои мужики: ты хотя бы сводил меня пообедать в «Эмис» после ебли. Меня только одно возмутило: когда ты меня упросил, чтобы я трахнулась с твоим тибетским гуру, а потом мне пришлось лечиться от гонореи. Такого не может оправдать даже твое богатство.

Я бы не прочь с тобой перепихнуться, когда ты вернешься из Лондона,

С уважением,

Роза

Дорогой Стив Маас,

Почему бы Вам не отдать часть денег, что вы получаете от клуба «Мадд», бедным художникам, которыми держится заведение? Диего говорит, что Вы уже миллионер. Майкл, Бетси, многие из моих друзей – Вы сами знаете, о ком речь, – они все в отчаянном положении. Вы всегда говорите, что Вам хочется сделать что-нибудь для искусства, и что Вы понимаете, что такое искусство. Если бы Вы понимали, что такое искусство, Вы бы не были таким омерзительным торгашом, упивающимся своей властью: вы бы сделали «открытые часы» для художников хотя бы между двенадцатью и двумя ночи, а не между девятью и одиннадцатью вечера – как сейчас, – до того, как пускать в клуб остальную публику.

С уважением,

Роза

Дорогой Господь Бог,

Раньше я постоянно жаловалась, что мир устроен несправедливо. Теперь я так не думаю. Теперь я вообще разучилась думать. Ты что, потихоньку устроил мне лоботомию? Весь мир устроил мне лоботомию? Мир – это Ты. Мне бы очень хотелось, чтобы нашелся мужчина, который вернет мне ощущение мира,

С уважением,

Роза

– Мы же подружимся, правда?

– Я постараюсь. Но, знаешь, это очень непросто – с тобой дружить.

– Да? Почему?

– Ну, я такая незаметная, а ты шикарная. Ты всегда знаешь, что делаешь. Ты так уверена в себе, что можешь меня раздавить. Когда я с тобой, у меня ощущение, что я – ничтожество, хотя я знаю, что ты совсем не стремишься меня унижить.

– Меня никто не любит, моя жизнь – сплошной кошмар. И не приписывай мне того, чего во мне нет. Я – как отшельница. Я очень замкнутый человек. Мне кажется, я по-настоящему невинна.

– Со мной ты не замкнутая. Наоборот. Очень открытая и дружелюбная, – говорит Роза, воспитанница монастырской школы.

– А как же иначе, моя прелесть? Я же тобой очарована.

– Мной? – Это отчасти вопрос, а отчасти игривое восклицание, замаскированное под вопрос. – Вот бы Питер мне такое сказал, но ведь он никогда не скажет.

Девочки из монастырской школы знают все до мельчайших подробностей об отношениях Питера и Розы.

– Питер тебя обожает! – восклицает О, круглая сирота, новенькая ученица. Ее взгляд полыхает огнем: если Питер только посмеет не обожать Розу, О его съест с порохами.

– Ну... я ему нравлюсь, – говорит Роза и нервно сплетает пальцы, как будто не уверена в том, что сказала. – Да, я знаю, что я ему нравлюсь. А наши с ним ссоры – это моя вина, только моя. Я никак не могу успокоиться. Мне постоянно чего-нибудь не хватает. Я вечно всем недовольна. И все же... иногда он бывает ТАКИМ гадким.

Взгляд О настойчиво вопрошает, что может быть гадкого в тихом и нежном Питере. В наше время таких – тихих и нежных мальчишек – вообще не бывает.

– Он ни разу меня не сводил выпить кофе (Роза имеет в виду, что Питер не водит ее по дорогим ресторанам)... и еще он мной манипулирует, просто внаглую манипулирует, он меня дразнит, обещает жениться, а он знает, как я хочу замуж, и он этим пользуется, чтобы мной управлять, при том, что сам размазня. – Роза произносит все это с такой убежденностью, словно так все и есть.

О понимает, что в мире, где возможны привязанность и любовь, для нее все равно не найдется любви. И осознание этой боли дает ей силу. Она, не задумываясь, хватается Розу за руки и говорит:

– Пожалуйста, будь моей подругой. Мне так не хватает тепла.

– Да, конечно, я буду, – сразу же отвечает Роза, – хотя ты настолько выше меня... у тебя, наверное, куча друзей. Я буду верной подругой, и если я тебя чем-то обижу, пойми, пожалуйста, это не потому, что мне хочется тебя обидеть. Просто я слабая. И я ничего про себя не знаю. Ты мне помогаешь узнать, кто я. Ты всегда говоришь со мной прямо.

О обнимает подругу и прижимает к себе.

– Скажи мне, Роза. Кто такой мистер Садат?

Розу бьет дрожь. Она поднимает глаза к потолку.

– Мы с ним познакомились... мы – это мы с братом... буквально за несколько дней до того, как я сюда поступила.

– Это дядя Питера.

– Он тебе не нравится?

– Ой, – Роза прячет лицо в ладонях. – Нет.

– Он говорит, что очень тебя любит.

– Ой. – Роза еще теснее прижимается к своей новой возможности (подруге). – Я не хочу ничего знать... Я даже не знаю... что-то в нем есть такое... что меня жутко пугает. Да, это нелепо. Но я боюсь его – до безумия. Все время думаю только о нем. И мне страшно. Он не дает мне покоя, даже когда его нету рядом. Он – воплощенное зло. Ужасней всего на свете.

– Что между вами произошло?

– Я сейчас не могу говорить. Прости. Потерпи минутку. Пожалуйста, не уходи. Я все расскажу, только потерпи минутку.

– Он сделал что-то ПЛОХОЕ, да?

– Нет... нет. Он очень милый. Он все делает правильно. Он никогда ничего не ГОВОРИТ.

– И все же...?

— Он никогда ничего не говорит, но я знаю, я знаю, чего он хочет. Он хочет властвовать надо мной, он уже почти властвует надо мной. Я не могу сопротивляться. Он всегда такой добрый, такой внимательный. У меня нет причин говорить о нем плохо. Я никому не могу рассказать про него, никому. Наверное, я сумасшедшая. Когда я играю на пианино, он всегда смотрит на мои руки. Когда я пою, а пою я кошмарно, он всегда смотрит на мои губы. Он говорит мне, что я в его власти, и я безропотно все принимаю, принимаю наше молчаливое соглашение. Я не смотрю на него. Потому что это уже не важно. Иногда наши взгляды встречаются, на секунду, и это значит, — я согласна, что он меня околдовал. Иногда он такой сильный и властный, но его словно здесь нет. Ты понимаешь, о чем я? Как будто он робот. Я не знаю, как с ним разговаривать.

— А что ж ему от тебя нужно?

— Я не знаю. Я просто боюсь. И дальше страха не вижу вообще ничего.

— Сегодня вечером еще что-нибудь было?

— Нет. Сегодня вечером его взгляд был еще более настойчивым, еще более неотразимым... раньше он никогда не смотрел на меня так призывно. Сегодня он обнимал меня. Было темно, и тьма была невыносимой. Я расплакалась. Только ты никому не рассказывай, хорошо? Это неправда. Делай, что хочешь, только не говори Питеру, потому что он его дядя. Сегодня вечером ты говорила, что ты очень сильная, ты ничего не боишься, ты даже не знаешь, что такое страх, я тебя очень прошу, пожалуйста, будь сильной ради меня. Раньше я тоже не ведала страха. Раньше я была сильной и верила, что все мои чувства настоящие, и то, что я испытываю к людям, делает меня человеческой. С тобой я могу говорить обо всем. Ты только не уходи. Не бросай меня, ладно? Мне так страшно, что ты уйдешь, прямо сейчас, когда я прошу тебя не уходить.

Выразительное цыганское лицо склоняется над умоляющими руками, над лгнувшей грудью; необузданные черные

кудри падают и рассыпаются поверх хрупкого тела. В напряженном взгляде – спящая пламенеющая энергия, ныне смягченная состраданием и удивлением. Пусть мужчина, которому не все равно, это ВИДИТ!

Монолог мистера Анвара Садата:

Я словно воочию вижу все, что сделал в жизни. Все предстает передо мной в точности: мне надо увидеть (лицо) все-все-все, ничего не упустить. Смотреть на все пристально, видеть каждый свой поступок, и когда все закончится, когда я избавлюсь от страха, я стану свободным.

Скоро начнется война. Неприятно об этом говорить, но так оно и есть. Еще более опустошительная война, чем прежде, – весь привычный мир погибнет. Денег больше не будет, еды и тепла станет в обрез, начнется буйство болезней и царствие страха и галлюцинаций. Это будет пора оскудения и пора изобилия, когда нет ни причин, ни следствий. Как ни старайся, к ужасу не подготовишься. Язык, как и все прочее, утратит связи со всем остальным. Коммерческие корпорации, которые и развяжут войну, уже сейчас ввозят в эту страну тройное количество героина и кокаина, чтобы подготовить граждан к военной службе.

– Еще? – предлагает эта женщина жалобным хриплым шепотом. – Будешь еще?

Матрос-индеец захлебывается слюной. На кладбище тихо.

– А какие видения у НЕЕ? Она видит все больше мясницких лавок, еще больше баров и карточек «Мастерчардж»? Еще больше людей, одержимых жаждой выкинуть деньги на ветер, свои бесполезные деньги, только жрать, жрать и жрать, эту жуткую кровать, без тел, лежащих на ней, эти стены, гладкие и стерильные?

Он прислушивается к бормотанию.

– Ничего не понятно!

Культура все щебетала и щебетала, но это было всего лишь бессмысленное словоблудие. Когда предложение становится внятным, оно уже не имеет ни смысла, ни связей со всем остальным. Вот почему наблюдатель опять повторяет: «Ничего не понятно», – кивает и улыбается хмуро. Кладет на стол пару монет, хватается шляпу, на ощупь спускается по скрипучей расшатанной лестнице, бормочет «Доброе утро» консьержу, который сидит, облепленный крысами, на старом пластмассовом стуле под лестницей, и лишается чувств.

Дорогой Питер,
Оказалось, что жить без тебя очень трудно.

Целый день в донельзя захолустном доме в Тансонвиле, пригодном разве что для отдыха на прогулке или когда льет дождь, в доме, где гостиные смахивают на беседки, где в спальнях на обивках стен – садовые розы в одной, лесные птицы – в другой, отъединяют от мира, замыкают в себе, веселят (это старомодная обивка, где все розы и птицы – словно живые, как будто цветы можно сорвать, а птиц – заточить в клетки и приручить), обивка, мало чем напоминающая претенциозное убранство сегодняшних комнат, в которых на серебристом фоне – нормандские яблони в резком японском стиле, дабы разукрасить мечтаниями часы добровольного заточения, – целый день я просидел в комнате с видом на роскошную парковую зелень, сирень у входа, на большие деревья на берегу реки, искристой от солнца, на лес Мезеглиза. Изучая слова Пруста, я испытывал подспудное удовольствие, потому что сказал себе: «Как приятно, когда столько зелени за окном», – вплоть до того мига, пока в обширном зеленеющем полотне не различил окрашенную в совершенно другой, в голубой сумрачный цвет, – потому что она была дальше, – колокольню церкви в Комбре, не образ этой колокольни, а саму колокольню; ее заволакивали пространства и времена, но она проступила сквозь эти пространства и

времена и вписалась в квадратик моего окна, посреди искрящейся зелени и совершенно другого тона, такого сумрачного, что казалась едва прочерченной. И стоило мне на минуту выйти из комнаты, в конец коридора, увидевшего в другую сторону, я увидел ярко-красную полосу, но это была лишь обивка маленькой гостиной, неприхотливый муслин – но алеющий и готовый вспыхнуть в любое мгновение, когда на нее упадет лучик солнца.

На наших совместных прогулках Жильберта рассказывала мне, что Робер теряет к ней интерес и волочит за другими женщинами. И, правда, интрижки и женщины загромождали его жизнь, и в этом, как в некоторых мужских дружбах в жизни мужчин, которые предпочитают женщин, было что-то беспомощное – безнадежная попытка защитить свои позиции и удержать место, которое ты занимаешь без толку, как старая мебель в иных домах, ни к чему уже не пригодная.

Мы часто гуляли с Чань-ши, новой подругой Питера, и она мне рассказывала, что Питер теряет к ней интерес и клеится к другим женщинам. И, правда, интрижки и женщины загромождали его жизнь, и в этом, как в некоторых мужских дружбах в жизни мужчин, которые предпочитают женщин, было что-то беспомощное – безнадежная попытка защитить свои позиции и удержать место, которое ты занимаешь без толку, как старая мебель в иных домах, ни к чему уже не пригодная.

– Сколько с меня? – спрашиваю таксиста.

Таксист отвечает:

– Доллар – если не пожелаете прибавить.

Я, разумеется, говорю, что не пожелаяю.

– Тогда, значит, доллар, – вздыхает таксист. – Не то с ним хлопот не оберешься. Уж я ЕГО знаю! – И, подмигнув на дверь конторы, где на табличке написано имя моего адвоката, мистера Гордона, сокрушенно качает головой.

ИЗНАНКА МИРА

Анвар Садат поднимается по скрипучей расшатанной лестнице, открывает дверь, заглядывает в темную душную комнату и говорит:

– Ты одна?

– Я все время одна. Для меня это скверно, голубчик, но для тебя-то как раз хорошо, – отвечает хриплый голос. – Входи, входи, кем бы ты ни был: я вообще ничего не вижу, пока не зажгу спичку, но твой голос кажется мне знакомым. Я тебя знаю, да?

– Так зажги спичку и посмотри.

– Да, голубчик, сейчас зажгу. У меня дрожат руки, так что я не могу так вот просто зажечь спичку. И еще этот кашель... (кхе, кхе) стоит лишь положить коробок, выпустить его из рук, и он сразу куда-то прячется, никогда не найдешь его с первого раза. Ох-ох-ох. Он уползает... проклятый кашель... как будто живой. Ты, голубчик, куда-нибудь собираешься?

– Нет.

– Не собираешься в дальние странствия?

– Не собираюсь.

– Ну, что же, есть люди, которые путешествует посуху, а есть – которые морем. И те, и другие – мои дети. А я – их мать. Я даю людям все, что им нужно. Не как этот Джек-ки-таеза с Ладлоу-стрит. Он не знает, что это такое – быть отцом для отца и матери. Он не знает, как все это раскрыть, он берет столько же, сколько я, и еще больше, намного больше, сколько бы ни получил. Ага, вот и спички, голубчик. А где свеча? Не выношу электрический свет, никогда не выносила. Всякий раз, когда меня пробивает кашель, у меня спичек двадцать, наверное, вылетает, пока я сумею зажечь хоть одну. (Ей

все-таки удается зажечь одну спичку, прежде чем снова надсадно закашляться). Я скоро все легкие выкашляю! (Желтая мокрота) Ох-ох-ох. – Она пытается вдохнуть и вообще ничего не видит, все ее чувства мертвы, кроме ощущения кашля; но вот приступ прошел – глаза открываются – жизнь возвращается. – Ой, это ты.

– Тебя удивляет, что я пришел?

– А ты разве не умер?

– А с чего ты решила, что я умер?

– Ты так долго не приходил. Я думала, что тебе без меня – не жить. Часа три, не больше. Наверное, у тебя что-то случилось? Что-то плохое?

– Да нет. Просто умер один родственник.

– От чего умер, голубчик?

– От смерти, наверное.

Она приступает: чего-то бурчит и дует на бледную искру, заключенную в чашечке ее ладоней, иногда она говорит вполне внятно, гнусавым довольным голосом, не прерывая обряда.

ОТКУДА ОНИ ПРОИСХОДЯТ, ЧУВСТВА, ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМЫ, ЧТО ОНИ ГОВОРЯТ О СОЗНАНИИ?

Она отдает мужчине свою коричневую кожаную сумку.

Она сидит рядом с мужчиной, и ее голые ягодицы соприкасаются с искусственной кожей на сидении такси.

Он лезет рукой ей под блузку и заставляет ее раздеться.

Он оставляет ее одну, и она не знает, как справиться с этим чужим, чуждым миром.

Он уводит ее туда, где она еще никогда не была.

Его руки касаются ее свитера.

Его руки задирают ей свитер на спине.

Его руки скользят по изгибам ее ягодиц.

Средний палец его правой руки проникает ей в задницу, а большой палец правой руки вонзился на дюйм ей в пизду.

Он заставляет ее резко вскрикнуть.

Его правая рука заставляет ее лечь.

Он вбивает в нее затвердевший член.

Прямо в задницу, без всякой смазки.

Его колени упираются ей в лицо.

Он объясняет ей, что она ничего не узнает.

Он поднимает ее на ноги, обхватив обе ее руки своей сильной рукой.

Он ей показывает свою плеть.

Он кладет руку ей на плечо.

Он говорит ей, чтобы она приготовилась: он будет делать ей больно – и физически, и морально.

Он причиняет ей боль, физически, чтобы преподать ей урок.

Он говорит ей, что у нее больше нет ничего своего, и что она больше не будет ничего решать – он все будет решать за нее.

ЧУВСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМЫ?

Он говорит ей:

– Все, что было твоим, даже твой разум – уже не твое. Я человек щедрый. Я тебе ничего не дам.

Она оборачивается и видит, как он на нее смотрит. Как будто он ее любит.

Она сидит рядом с ним и слушает, что он говорит.

Он говорит, что теперь это уже не важно: что она думает, и что она предпочитает.

Он говорит, что он – идеальное зеркало ее истинных устремлений, и что это она сделала его таким.

Он не смеет взглянуть ей в глаза.

Он ходит перед нею взад-вперед.

Он набирает номер ее телефона.

Он говорит, чтобы она разделась и ждала его голой.

Он говорит, чтобы она избавилась от всей одежды и от всех своих отличительных черт, которые ему не нравятся.

Он говорит, что у него нет никаких предпочтений, никаких склонностей и антипатий, так что ей не удастся его растрогать.

Он говорит ей, что он – мертвец.

Она раскладывает свою одежду и раздумывает, какая вещь самая мягкая.

Она раздумывает: я умру или нет.

Она ждет этого мужчину, утверждающего, что он не ее любовник, и пытается догадаться, чего он хочет.

Он говорит, что ей очень идет этот железный ошейник с браслетами-кандалами.

Он хватает ее за волосы и за горло.

Она думает: это не важно, согласна она или нет, ее слово уже ничего не решает.

Тогда зачем нужны чувства? Зачем нужно всё? Да, она не понимает.

ОТ ВОСПРИЯТИЯ НЕ СБЕЖИШЬ, НО ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СПРАВИТЬСЯ С БОЛЬЮ – ЭТО ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ. САМОУБИЙСТВО ВСЕГДА БЫЛО ГЛАВНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Ласкай свои соски.

Я отдам тебя, и не тебе выбирать, кто твой учитель.

Сними юбку.

Отсоси мне.

Тебе все равно, с кем ебаться.

Секс – это только физиология.

Погладь свой клитор.

Ты покоришься мне, не любя.

Когда ты приходишь, твои глаза светятся счастьем.

Мои руки скользят по твоей груди.

Мои губы касаются твоей груди.

Мои губы – это твои губы.

Когда ты принесешь свою плоть?

Я делаю все, что могу – чтобы понять.

Я делаю все, что могу – чтобы властвовать.

Я делаю все, что могу – чтобы любить (имя).

Мое сознание ослабляет чувства.

Сейчас ты будешь драть у меня на глазах.

Ты – блядь.

Все бабы – бляди.

КРОВЬ СОЧИТСЯ ИЗ ПИЗДЫ ОДНОЙ ДЕВКИ, А ЕЕ НОГИ РАСКИНУТЫ ШИРОКО

Без шляпки, почти без косметики, с распущенными волосами, она производит впечатление скромной благовоспитанной девочки из хорошей семьи – в своих мальчишеских твидовых брючках, очень широких и собранных в складки на поясе, в коротеньком пиджачке или облегающих красных или голубых свитерах ручной вязки, с маленькими воротничками «под шею», и широких плисовых брюках, в голубых босоножках с завязками на лодыжках, или в маленьком черном вечернем платье длиной до колен. Повсюду, куда бы сэр С ее ни водил, ее принимают за его дочь – она обращается к

нему почтительно, а он ведет себя с ней фамильярно, что лишь укрепляет людей в их ошибочном мнении. Они сидят в ночном ресторане, уже утро, но серый свет еще не тронул деревья, выжившие на Пятой Авеню, а вечернее небо вообще никогда не бывает по-настоящему черным, старая женщина в ресторане заводит с ними беседу, люди на улицах улыбаются им.

Время от времени он останавливается перед каким-нибудь бетонным зданием, он обнимает ее, целует и говорит, что любит ее. БУДУЩЕЕ: однажды он приглашает ее на обед с двумя его соотечественниками-итальянцами. В первый раз за все время он знакомит ее с кем-то из своих друзей. Он пришел час назад и сказал, что они будут обедать с его друзьями.

У него есть ключи от ее квартиры. Она полностью обнажена. Она только-только закончила медитировать. У него с собой сумка, наподобие сумки для гольфа. Он говорит, чтобы она открыла сумку.

Плети – сплошной розовый шелк и тусклый черный мех, одна – сплетенная из плотной кожи, с крошечными узелками на кончиках, двойными и тройными, так что заранее не знаешь, чего ожидать, и еще – куклы, и длинный светло-коричневый хлыст, похожий на хвост тонкого зверя.

Она кончает, едва он прикасается к ней.

В первый раз за все время он спрашивает, что ей нравится.

Она не может ответить.

Он говорит, что она будет ему помогать. Поможет ему уничтожить ее. Плетей и хлыстов не существует. Плети – это смешно и нелепо. Оргазм не спутаешь с болью.

Три девчонки хихикают в школьной уборной, на холодном кафельном полу.

В первый раз за все время он выходит с ней на люди и не обращается с ней, как с дерьмом.

МЕЧИ ВВЕРХ ОСТРИЕМ

Мужчина и женщина сидят в ресторане. В первый раз за все время он пригласил ее пообедать в ресторан. Женщина на диване, а справа и слева от нее, в креслах, устроились друзья мужчины. Тот, что слева – высокий, рыжеволосый и сероглазый, двадцати пяти лет. Мужчина объясняет своим друзьям, почему он пригласил их на обед с этой женщиной: они вольны делать с ней все, что угодно, она исполнит любой их каприз, потому что она – самое непристойное неназываемое тьфу тьфу. Она понимает, что в то же время чиста и невинна, как девочка, и ничего страшного в этом нет в том что она этого хочет, эту неназываемую пакость эту вещь. Так не бывает. Этой личности не существует.

Бабушка задирает ей юбку – розовую, из тонкой кисеи – и говорит метрдотелю:

– Посмотрите, в чем ходит моя внучка! Ее первый поясок с чулочками! А ей всего-то шесть лет!

Первый мужчина не признает ее за человека. Все мужчины, которые у нее есть, не считают ее человеком. Вставай на колени – отсасывай. А пока ты сосешь мой член, ласкай меня пальцами, как ты умеешь – будто перышками. А потом они быстро уходят, пока она глотает их сперму.

Молоденькие мальчишки, совершенно потрясенные ее силой – ее невозмутимым спокойствием, что находится в явном противоречии с ее положением, – говорят, что им хочется, чтобы она рассказала им все. Они отдаются ей, словно не люди из плоти, а мягкая глина. Они ебут ее снова и снова. И сколько бы они ее ни истязали, им все мало. А потом они на нее злятся. Они ее ненавидят – за силу. Потому что она им позволила проявить слабость. Им хочется ее избить.

На следующий день, опасаясь, что она его бросит, он говорит ей, что рыжий мальчик в нее влюбился и хочет на ней

жениться, чтобы спасти от невыносимых противоречий, в которых она увязла.

Как всегда, выбор – за ней. Она говорит, что ей хочется стать кем-то другим, словно теперь это вопрос выбора, – впрочем, это всегда так и есть.

ЖИВОТНОЕ НАЧАЛО

Ястреб, орел, сова, лиса, лев, бык: это были всего лишь маски, маски зверей, сделанные под размер человеческой головы – из настоящих звериных шкур или птичьих перьев. Отверстия для глаз, там, где это было необходимо, как, например, у льва, обрамляют искусно выделанные ресницы, а мех или перья скрывают голову целиком и ниспадают до самых плеч человека, надевшего маску. Специальный каркас из жесткого прессованного картона, между внешней отделкой и подкладкой внутри, удерживает форму маски и не дает ей исказиться. Она выбирает для себя маску совы – потому что она ей нравится и лучше всего преобразует ее, и еще потому, что она сделана из рыжевато-коричневых перьев, а эти цвета хорошо сочетаются с цветом волос у нее на пизде; капюшон из перьев полностью скрывает ей плечи и доходит до середины спины, а спереди – почти до самых сосков.

– Прошу прощения, О, но тебя будут водить на цепи.

Натали возвращается с цепью и плоскогубцами. Сэр С берет плоскогубцы, размыкает последнее звено цепи и закрепляет на одном из колец, вживленных в ее пизду. Потом она вновь надевает маску, и сэр С велит Натали взять цепь и пройти по комнате, ведя за собой женщину в маске (прикованную к тексту)

– Да, надо признать, – отмечает сэр С, – Командор прав. Волосы на лобке надо убрать, но это мы сделаем завтра. А ты пока ходи с цепью.

Девушку из салона красоты, куда она пришла на следующий день, чтобы удалить себе волосы, потрясли не столько железные кольца и черные синяки у нее на ягодицах, сколько множество свежих ран от хлыста. Она делает несколько попыток объяснить, что совершенно счастлива и довольна своей судьбой (пусть даже она ее не выбирала), но девушку на переубедишь: она охвачена ужасом и отвращением. И она знает, что как бы сердечно ни благодарила она этих людей, какой бы она ни была с ними милой и вежливой, – как воспитанная и хорошая девочка, – когда она выйдет из этого кабинета, где пролежала несколько часов, раскинув ноги как можно шире, не для того, чтобы ее отымили, а чтобы полюбили; не важно, сколько она даст им денег, она чувствует, что ее не хотят здесь видеть, что ее здесь отвергают. Она понимает, что существует жуткий контраст между шерстью на ее животе и перьями на маске, и точно так же понимает, что маска придает ей сходство с египетской статуей, и этот образ, который подчеркивают широкие плечи, узкие бедра и длинные мускулистые ноги, велит, чтобы на коже не было ни волоска.

Смотрела на них широко распахнутыми глазами, глухая к человеческой речи, немая. Люди глядят с презрением и ужасом, отворачиваются, поспешно уходят прочь. Сэр С использует О как модель на выставке. Камень, воск, не человек. Рассвет будит спящих. Отстегивайте цепи, снимайте маски.

НАЧАЛО

Когда вы с сэром С выходите из метро, молодой полицейский или молодой человек, похожий на полицейского, едва завидев сэра С, отступает от огромного черного «Мерседеса», все дверцы которого заперты. Он кланяется, открывает

заднюю дверцу и делает шаг в сторону. Ты садишься в машину сзади, твой багаж лежит на переднем сидении, сэр С легонько чокает тебя в щеку и закрывает дверцу.

Машина срывается с места внезапно, так быстро, что ты даже не успеваешь позвать его, не успеваешь схватить его за руку. Ты бьешься о заднее стекло, но он уже далеко, он ушел навсегда, ты вне себя от злости.

Машина мчится на запад, за город. Но ты не видишь, что там снаружи, потому что плачешь.

Водитель, маньяк-террорист, опускает свое кресло почти в горизонтальное положение и закидывает твои ноги на переднее сидение. Твои ноги упираются в потолок, когда он втыкает в тебя свой огромный член. Все это длится, наверное, час. Без остановки. Кончая, он громко стонет.

Водителю двадцать пять лет. У него большие черные глаза, узкое тонкое лицо. Похоже, он очень чувственный – чуткий на грани слабости. Его губы даже не приближаются к твоим губам. Существует негласное соглашение: поцелуи – взрывоопасны, гораздо опаснее ебли.

Когда он заканчивает тебя ебать, ты поправляешь юбку и застегиваешь свой льняной свитерок ручной вязки, прозрачный и тонкий, так что сквозь кружевное плетение просвечивают соски. Ты аккуратно подкрашиваешь губы ярко-красной помадой.

Если захочешь, можешь протянуть руку и сорвать целый букет красных наперстянок.

– Водитель тебя изнасиловал. Ты опоздала на два часа. Ты ему разрешила себя отыметь.

– Все сделано так, как велел сэр С. Он придет?

– Да, наверное. Только не знаю, когда.

Напряжение, скрутившее мышцы во всем твоём теле, когда ты задаешь этот вопрос, потихонечку отпускает, и ты с благодарностью смотришь на эту женщину: какая она

восхитительная, как искрятся ее волосы, тронутые сединой. На ней черные брюки, черная блузка и старинный китайский камзол.

Очевидно, что правила, определяющие форму одежды и поведение террористов, к ней не относятся.

– Сегодня я хочу с тобой пообедать. Иди, прими ванну. Я вернусь за тобой ровно в три.

Ты молча идешь за ней; ты на седьмом небе от счастья: сэр С говорит, что вы с ним снова увидите.

В этом убежище террористок, замаскированном под школу для девочек, тебе разрешают ходить, где хочешь. Ты стоишь на углу улицы Деланси. Моросит дождик. Ты знаешь: ты здесь старше всех. И вполне может выйти, что никто из мужчин не захочет тебя как женщину – из-за тонких морщинок у тебя на лице. Мужчинам хочется свежей девичьей кожи, упругой и юной. Им всегда хочется нового. Хочется обладать. Хочется, чтобы их удивляли. Тебе придется как следует потрудиться, чтобы заполучить себе мужика. Тебе придется создать некий образ, притягательный для мужчин. Этот образ надо составить (отчасти) из твоих сильных черт, и он должен стать воплощением того, что мужчины не могут определить, но желают до безумия. Чтобы выжить, тебе надо будет выдерживать этот образ.

Ты гонишь все мысли прочь. Мысли могут присутствовать в тех промежутках, когда ты – не машина, функционирующая, чтобы выжить. Ты – идеальная шлюха, а значит, не человек.

Забудь об этом.

– Эй, красавчик, я делаю все, что угодно.

Твои бедра вихляют сильнее, чем у остальных проституток. Ты нагло воруеть в ресторанах, ты смеешься в лицо этим напыщенным бизнесменам, похожим на свиней, а когда бомж

угрожает тебе ножом, ты говоришь: «Милый мой, какой-то он у тебя короткий». Тебя ничто не затрагивает (не ранит), когда ты движешься на такой запредельной скорости: идеальный образ: закрыто.

И поэтому ты – лучшая шлюха на свете. Главное – сохранить крутой имидж. Пока ты шлюха, ты можешь кого-то любить. Пока ты шлюха, никто не сможет любить тебя.

Сэр С хочет, чтобы ты продавалась за деньги, а деньги отдавала ему.

– Ладно, О, я уже выслушала достаточно. Если сэр С хочет, чтобы ты торговала собой за деньги, то он в своем праве. Это не твое дело. Иди спать, малышка, умолкни. Что касается прочих обязанностей – у нас здесь сестринская система. Твоей сестрой будет Ноэль, она тебе все объяснит и расскажет.

Большую часть времени шлюхи проводят в компании других шлюх, они живут в жаркой, чувственной атмосфере, в большой раздевалке (разве что есть единственный сутенер, картонный персонаж, которого все они истово обожают, как ученицы в школе для девочек сходят с ума по единственному учителю-мужчине, преподающему Закон Божий), здесь, на грани осязаемого. Они знают, какие ранимые их подруги на самом деле, и это знание определяет их способ общения друг с другом и создает связи, самые крепкие связи, которые только бывают у женщин.

Женская сексуальность не ориентирована на какую-то цель, она всеобъемлюща. Женщины сделают что угодно, не ради секса, но ради любви, потому что для них секс – ничто, нечто неопределенное, для них любое движение, любой жест – сексуальное «о». И поэтому женщины могут быть честными и верными в сексе. Поэтому женщины так стремятся к материальному и удивляются материальному. Больше всего женщины ненавидят материальное.

Кончиком своего кнута он проводит по твоей обнаженной груди.

– Почему ты сегодня не взял с собой плетку? Но ты можешь ударить меня по лицу.

Хватает твои крупные соски и тянет.

Называет тебя шлюхой.

Ты сжимаешься вокруг палки из плоти, что наполняет тебя и обжигает. Этот кол застывает внутри.

– Ублажай меня ртом.

Тебе нравится быть проституткой с этим незнакомцем.

Она целует твой напряженный сосок – сквозь черное кружево.

– Они не скажут, как их зовут, – говорит она. – Но они милые, правда?

Мужчины сконфужены и вульгарны. Выпив по третьей, они опьянели.

Они ужинают вчетвером. И едва они успевают закончить ужин, в ресторан входит мужчина, который имел тебя прошлой ночью. Он незаметно подает знак и садится за отдельный столик.

– Ну что, пойдём наверх?

Кто-то из служащих отеля провожает вас в номер. Не дожидаясь, пока тебе скажут, что делать, ты подходишь к клиенту и обнажаешь грудь. Тебе самой странно, как легко у тебя получается оголить сиськи перед этим незнакомцем.

Он велит, чтобы ты разделась, а потом говорит, что дальше не надо. Твой железный ошейник и браслеты-кандалы произвели на него впечатление. Он вынимает свой член у тебя из задницы и говорит:

– Если ты в самом деле так хороша, дам тебе хорошие чаевые.

Нет ни малейшей возможности, что кто-то тебя полюбит, или что любовь имеет смысл. Потому что нет надежды понять,

чего тебе хочется на самом деле. Ты мертва и занимаешься сексом.

Он уходит еще до того, как ты встала с постели, – оставляя на белом столике целую грудку банкнот. Ты аккуратно сворачиваешь банкноты, прячешь их между грудей и возвращаешься в дом.

Твои цепи исчезают.

Теперь ты вольна решать, одеваться тебе или нет.

Теперь ты вольна решать, работать за деньги или не работать.

Теперь ты вольна решать, с кем разговаривать.

Он по-прежнему бьет тебя каждый день. Если ты жалуешься, та, другая девчонка говорит:

– Тебе же хочется, чтобы тебя били плеткой, так чего же ты плачешься? Ты не Жюстина.

Кто ты – вполне очевидно. Ты – это ты. И если ты хочешь, чтобы тебя били плеткой, тебе должно это нравиться, девочка.

Ты – мой хозяин.

Ты мной владеешь.

Я не хочу, чтобы нас что-то связывало.

Ты – убийца.

Не существует такого понятия «террорист»: есть только убийцы.

Я – мазохистка.

Это подлинная революция.

Иногда мужчины приводят в бордель порядочных женщин. Эти женщины делают вид, что они не считают себя выше шлюх и не смотрят на них свысока, но все же под фальшью сочувствия и либерализма таится чистейшая зачарованность. Зачарованность не поддается разумному объяснению. Эти женщины трепещут перед проститутками. Украдкой следят за ними взглядом – за угол, в приоткрытую дверь. Взгляды буквально вонзаются в стройные бедра, в волосы на пизде, если она вдруг видна – там уже влажно? Что она делает, когда... с МУЖЧИНОЙ? Широко-широко раздвигает ноги? Какими уловками заставляет мужчину ее полюбить? Она настоящая? Грязные ли у нее трусики? Она разрешает, чтобы ей ссали в рот? Может быть, она просто машина для оргазма? Просто бесчувственная кукла? И каково это – жить без мозгов? Не волнуйся о том, как устроиться в жизни, как сохранить уважение (мужчин), как добиться успехов в работе, как воспитать детей, как поддержать имидж и то, что за имиджем?.. Каково это – жить в таком (зверском) месте?

Ведь я НЕ ТАКАЯ? Я – личность. Красивая женщина приводит в порядок лицо. Она проводит рукой по руке своего мужчины, чтобы показать, что и он, и она – настоящие: она – его женщина, потому что они с ним – пара: настоящие люди в реальном, всамделишном мире, в отличие от этих ДЫРОК, которых НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Ты наблюдаешь за девочками в борделе:

Худенькая, но очень пропорционально сложенная девочка, такая ослепительно белая на фоне гардин цвета менструальной крови – она вся дрожит, в первый раз у нее на бедрах

пламенеют алые следы от хлыста. Ее возлюбленный, стройный молодой человек, держит ее за плечи, раскинувшись на постели, точно так же, как держал тебя Рене, и наблюдает с явным удовольствием и мукой, как ты раскрываешь свое обжигающе сладкое чрево перед мужчиной, которого видишь впервые в жизни и под чьим весом сейчас стонет девочка.

Они безраздельно принадлежат членам Клуба; они отдаются незнакомым мужчинам; как только они готовы, их возлюбленные заставляют их продаваться во внешнем мире – просто так, безо всяких причин.

Другие девочки торгуют собой исключительно ради денег, у них нет сутенеров, и им никогда не выйти из тюрьмы.

Одну девочку определили в бордель на полгода, а потом забрали навсегда.

Жанна прожила в борделе год, потом ушла, но вернулась.

Ноэль пробыла здесь два месяца, уехала месяца на три и вернулась полностью сломленной.

Ивонн и Жюльен, которых, как и тебя, хлещут плеткой по несколько раз в день, никогда не уедут отсюда.

Мужчина занимается с тобой любовью.

Он приносит тебе ожерелье, кольцо, два браслета с бриллиантами – вместо твоих железных обручей.

Он говорит, что возьмет тебя с собой в Африку и Америку.

– Нет! Нет! – кричишь ты. Ты не выдержишь, если тебя кто-то полюбит. Ты не выдержишь рядом чужого сознания. Ты не хочешь никого пускать в свою жизнь – исковерканную, опустошенную.

– Теперь ты свободна, – говорит тебе эта красивая террористка с волосами, подернутыми сединой. – Твои железки мы снимем: браслеты, ошейник, кольца. Даже клеймо можно свести. У тебя есть бриллианты, можешь идти домой.

Ты не плачешь, ты не показываешь своей горечи. И ты не отвечаешь ей.

– Но если хочешь, – продолжает она, – можешь остаться.

Эта медуза – насильник. Когда О было семнадцать, отец попытался ее изнасиловать, а когда она сказала, что у него ничего не получится, он расплакался: «Твоя мама мне не дает, а эти мальчишки, они тебя не уважают, я – единственный, кто тебя уважает». В ту ночь О приснился кошмар. Огромная студенистая медуза, превратившаяся в червяка размером с шестиэтажный дом – гонится за ней по занесенной песком главной улице городка, похожего на декорации к вестерну. Все в ней ХОЧЕТ спастись, но тело не подчиняется разуму. Ее как будто затягивает в зыбучий песок, и этот зыбучий песок – ее тело.

Кошмар: ее тело отражает/становится желанием отца. Вот где кошмар.

Потом у О было несколько садистов, которые впивались ногтями ей в кожу и били ее по лицу, а потом медуза захотела стать частью ее существа, эти вечныежалобычтожизньнезадалась хотели стать частью ее существа. А потом она чуть не загнулась от тяжелой инфекции яичников.

Мужчины – насильники, потому что насилие засилье это то, чего О не хочет. Почему люди убивают друг друга? Человек убивает не из-за бессилия или беспомощности, а потому что не ведает, что творит. У О был выбор: отказать отцу в близости, и тогда у нее больше не будет отца – или перепихнуться с отцом, и тогда у нее будет отец. После этого случая О уверилась, что мужчины полюбят ее, только если она станет делать, что ей не нравится. Как я могу говорить о неведении, что такое неведение, что такое незнание?

Юный принц наслаждается обществом прекрасной дамы; он принимает чашу с вином, эликсиром жизни из ее рук.

Вероятно, период Тимуридов, XV век.

Название этого периода, относящегося приблизительно к XV веку, происходит от имени великого завоевателя Тимура, или Тамерлана, покорившего Ближний Восток – завоевание началось в 1365-ом году и закончилось со смертью Тимура в 1405-ом. Его потомки правили в Персии еще сто лет. Классический стиль, зародившийся при Ахмаде Мусе, достиг наивысшего расцвета при султани Ахмаде из династии Джалаиридов, который правил в Багдаде вплоть до прихода Тимура; после чего придворные мастера и художники стали служить Тимуридам, в частности султану Искандеру, под патронажем которого, собственно, и сформировался характерный стиль этого периода, названный тимуридским:

2. ИСТОКИ РОМАНТИКИ

ДЕНЬ

ПЕРВЫЕ ДНИ

Безвременье против времени.

Помню, были сумерки. В небе уже зажигались фонари, хотя оно было еще не настолько темным, чтобы его подсвечивать. Я робела и не подходила к маме, потому что, когда она принимала свои стимуляторы, она была слишком веселой и эгоистичной, а когда успокоительное – то очень стержневой. Лучшее время, чтобы пообщаться мамой – когда она переходила со стимуляторов на успокоительное.

Моя мама была актрисой. Я ее обожала. Ради нее я бы сделала все, что угодно. «Сара, будь паинькой, принеси мне бокал шампанского». «Сара, у меня снова нет денег. Твой отец – настоящий мерзавец. Зачем тебе деньги: дай мне десять долларов, завтра верну». Она никогда не возвращала мне деньги, а я ее обожала.

«Я тебя не хотела, я вообще не хотела детей, – постоянно твердила мне мама. – Это все из-за войны». Она не знала нужды и лишений: она выросла в очень богатой семье. «У меня начались жуткие боли в животе. Единственный доктор, к которому я сумела попасть на прием, был шарлатаном. Он сказал, что мне надо забеременеть». «Ничего себе. И что, ты забеременела?» «За день до того, как ты родилась, у меня был приступ аппендицита. Первые три недели жизни ты провела в инкубаторе».

И больше я ничего не знаю. Мой отец – он был богаче, чем мама, – бросил ее, когда узнал, что она беременна мной. А поскольку ни мама, ни бабушка Сиддонс никогда ничего

про него не рассказывали, я даже не знала, кто мой отец. У меня была только мама, и я ее очень любила.

Мама хотела, чтобы я всегда оставалась с ней. Наверное, будь у нее больше времени и меньше маний, она бы сумела меня полюбить или притвориться, что любит меня. «Меня не волнует, уважает меня моя дочь или нет. Я хочу, чтобы она меня любила». Она нуждалась в моей любви, как нуждалась в любви друзей и в любви публики – для того лишь, чтобы делать, что хочется, и избегать ответственности. Друзья любили ее, и я тоже ее любила, я жила в мире, насквозь пронизанным ее бытием и ее притворством, даже не подозревая, какое важное место в обществе занимает наша семья. Я и не знала, что есть другой мир: за пределами этого мира, где все было мамой.

Есть только движение, разные способы двигаться. Или: есть движение сразу во все стороны, и есть движение линейное. Если все движется повсюду-в-пространстве-вне-времени, тогда любая часть этого «все» и есть все. Но тогда как отделить себя от всего? Откуда возьмутся истории? Сознание просто есть: вне времени. Но всякое чувство предполагает отличие от всех остальных. Отличие предполагает наличие времени, хотя бы ПРЕЖДЕ и СЕЙЧАС. Повествование, рассказ – это движение чувств.

По всеобщему мнению, пока что-то является частью рассказа, оно существует.

Самоотражающее сознание – само по себе рассказ.

Мама хотела, чтобы я была не такая, какая есть. Училась я на «отлично» – не потому что была примерной девочкой, – на самом деле, уже тогда я была странной, просто только в школе я могла делать все так, как надо, – но мама сказала, что я чересчур выделяюсь своими «пятерками». В остальном я была неудачницей. Я была слишком чувствительной девочкой. Если бы у чувств были руки и ноги, мои руки-ноги торчали бы во

все стороны – переломанные и безнадежно расшатанные. Когда мамини друзья собирались у нас поиграть в канасту, я целовала их слишком сердечно. Я слишком интересовалась сексом. Я никогда не была хорошенькой в общепринятом смысле. Я не строила из себя Пенелопу Вудинг. Если я мыла посуду, я ее мыла не по-настоящему. Я не знаю, была ли моя мама богом, и поэтому не знаю, люблю я ее или нет. Мои друзья говорили, что я слишком категорична, не различаю полутонов. «А жизнь гораздо сложнее», – говорили они. А я отвечала: «Я в школе отличница». Невпопад.

– Мамочка, расскажи мне про папу: каким он был?

Мама отрывается от газеты с хвалебной рецензией на ее последнюю роль. Все рецензии на ее роли – хвалебные.

– То есть, мой настоящий папа.

Когда мне исполнилось десять, мама с большой осторожностью объяснила, что человек, которого я называю папой – мой приемный отец.

– Он был очень хорош собой.

– А каким он был, опиши.

У меня не было права об этом просить, но мне отчаянно хотелось знать.

– У него были замечательные родители. Одна из самых богатых семей в Бруклине.

Разговаривать с моей мамой – все равно, что разрабатывать стратегию мировой войны.

– А чем они занимались?

– В молодости я была такой непослушной. Помнишь тетю Сьюзи? Я потихоньку сбежала из дома через пожарный выход, и мы с тетей Сьюзи встречались с мальчишками. Я им разрешала себя щупать. – В тот день мама накушалась декса. – Твой отец был настоящим красавцем... такой смуглый брюнет, я в него влюбилась. Была война, все хотели скорей пожениться.

Больше мама ничего не сказала.

Когда я спросила про моего настоящего папу у бабушки Сиддонс, она сказала, что папа умер. Я сказала, что знаю, что он не умер. Она сказала, что он – убийца.

Почему люди чем-то интересуются? Мне интересно только тогда, когда я открываю что-то новое. Для меня подлинное движение – это открытие. А значит, подлинное движение – это то, что не кончается. Разве такое бывает?

В остальном я жила в мире грез. Если бы кто-то хоть раз подумал обо мне, позабыв о своих бесконечных маниях, он бы, наверное, решил, что я была одиночкой девочкой – но это не так. У меня был весь Нью-Йорк. Мама была актрисой, поэтому нам приходилось жить либо в Нью-Йорке, либо в Лондоне, и я прижимала Нью-Йорк к груди, точно подарок. Иногда я выходила из дома и шла по Пятой Авеню к волшебному книжному магазинчику, где были книги в ярких кожаных переплетах. Книжные магазины и магазины одежды – это были волшебные пространства, где можно очутиться в мечтах и наяву. Потом я гуляла по Мэдисон-авеню и представляла, как покупаю себе всякие вещи. Я доходила до Гринич-Виллидж, где был самый интересный книжный. Там продавались все книжки поэтов-битников, но я на них не смотрела. Когда мне чего-то хотелось, мне надо было наткнуться на это случайно. Поступать по собственному желанию было запрещено. Нельзя было даже признаться себе, что у меня есть собственные желания. Поэзия была самым пугающим из всего – а значит, и самым интересным. Пару раз в месяц меня брали в театр, и я жадно смотрела спектакли, ничего не понимая.

Когда вокруг что-то происходило, и я совершенно не запоминала, что происходит, я не испытывала потребности понимать – если бы я поняла, я бы, наверное, испугалась и не смогла бы двигаться дальше.

Мама была настоящей актрисой. Даже я, ее дочь, не знала, кто она на самом деле. Только потом, когда все случилось, я узнала, что мама растратила всё, что у нее было – полностью разорилась. Она меня во всем ограничивала, отбирала мои карманные деньги, никогда ничего мне не покупала. Зато на себя тратила, не задумываясь. Это была какое-то иступленное расточительство. И как-то раз внезапно спросила: «Хочешь, сделаю тебе подарок?» – и купила мне три пары одинаковых золотых часов, которые ей приглянулись. Это при том, что она задолжала хозяину квартиры за три месяца, два ее банковских счета (из трех) были закрыты, а все кредитные карточки объявлены недействительными. 800 акций АТ&Т, которые ей подарила бабушка, куда-то пропали. А мама лишь веселилась: радостная, беспечная и уже не такая строгая. Ради нее я бы сделала что угодно. Она никому ничего не сказала. Подхватила на руки любимого пуделя, вышла из дома и не вернулась.

Мне действительно не все равно? Я действительно влюблена до безумия? Надо проникнуть как можно глубже. Чем четче фокус, чем больше пауз и переломов в рассказе, чем больше стершихся воспоминаний, тем меньше смысла.

Несмотря на печальные обстоятельства, которые привели меня в Эшингтон-Хаус, я обмираю от трепетного волнения, когда вижу дом. Я всегда очень любила деревья. Бронзовые хризантемы. Георгины вокруг пруда, где плавают две утки: черная и серая. Тихонько присвистываю от восторга. Две тенистых аллеи, среди листвы, увлекают взгляд вдаль.

Тетя Марта и тетя Мейбл встречают меня на крыльце. Я вижу их первый раз в жизни.

Они очень богаты. Такие воспитанные, обходительные, утонченные. Мои тетушки – эксцентричные особы. Они говорят, что теперь я увижусь со своим настоящим отцом. Я не хочу его видеть, хочу, хочу. Я знаю, что он красавец.

Тетя Марта говорит, что сейчас его нет.

Подходим к портрету отца, останавливаемся. Ну ладно: хотя бы портрет.

– Твой отец, – говорит тетя Мейбл, – был таким авантюрным. Совершенно неуправляемый... своевольный, упрямый... Твоя мама была его первой женой, а ты – его первым ребенком.

– А кто его вторая жена?

– Он был женат трижды. В прошлом году он убил человека – кто-то забрался к нему на яхту, и он его пристрелил. Семье удалось его вытащить: его признали невменяемым. Потом он полгода провел в санатории, а потом вдруг исчез.

– Тетя Мейбл боится, душенька, – Джуди поясняет мысль Панча, – что в тебе тоже есть что-то от дикой природы отца.

Я веду себя тихо и скромно, но они знают, кто я.

– На самом деле, я мало что знаю, Сара. Но мне кажется, что тебе лучше держаться от него подальше.

– Твой отец, – перебивает сестру тетя Мейбл, – человек непредсказуемый. Иногда он бывает жестоким и вспыльчивым. Мы не знаем, как он себя поведет, когда увидит тебя. Семья решила тебе помогать, и мы будем тебе помогать во всем. Но с отцом мы тебе не поможем.

Я не знаю, чему верить.

Он – потому что никаких сомнений насчет его половой принадлежности быть не может, хотя тогдашняя мода скрадывала разницу между полами – отрезает голову мавру, подвешенному на стропилах. Голова напоминает по цвету старый футбольный мяч.

Я позвонила Джексону, и он сразу примчался. Джексон: вечно поддатый, неряшливый хам, сволочной и слезливо сентиментальный, как это бывает со всеми пропойцами – но иначе он не был бы настоящим художником. Ему было

НЕОБХОДИМО страдать, бросаться вовне, на пределе, на грани разрыва, выходить за границы телесности – когда тело уже не выдерживает напряжения, ему было НЕОБХОДИМО калечить себя, мять, дробить и расплющивать свое психическое и физическое существо, как он мял и расплющивал тюбики с краской. Я не просто его понимала – я понимала и восхищалась. Я была для него подушкой, которую можно побить кулаками, теплой грудью, в которую можно уткнуться, выплакаться, чтобы выпустить всю эту неодолимую, бесконечную, невыносимую боль, чтобы оживить эту боль; я никогда не отталкивала его, никогда не язвила, я всегда принимала его, когда он обнажал свою боль, которую было необходимо выставить напоказ, чтобы она обрела выражение и он мог жить дальше. За это он меня и любил. Да, он был совершенно безмозглый. Но ему не нужен был интеллект: при его иступлении.

– Ты такая красивая, такая теплая: скажи, на кой я тебе сдался?

– Ты мне нужен, Джексон, не потому, что ты знаменитый. Всем остальным важно, что ты знаменит: вот почему они так в тебя вгрызлись, они заставили тебя думать, что ты – только образ, ИСТОРИЯ (в Нью-Йорке человеку разрешено быть человеческим или живым, если он/она знаменит(а) или достаточно близок (близка) с кем-нибудь из знаменитостей, чтобы впитать в себя часть чужой славы) и теперь ты не можешь рисовать, если не задавишь в себе все чувства и не станешь законченной сволочью. Я хочу с тобой трахаться, потому что ты – величайший художник.

Похоже, сейчас он оплакивал всю свою жизнь.

– Я всегда знал, что ты есть, еще до того, как мы встретились. Ты – точно такая, какой я тебя представлял, женщина, которую я искал, женщина, которой, я думал, у меня уже никогда не будет. Но мы все-таки встретились. Зачем я тебе такой нужен? Я – развалина. Я решил для себя, что сделаю

все, что угодно – с собой, со ВСЕМ – чтобы стать настоящим художником, и я это сделал, я это сделал, но проебал и здоровье, и разум. Я ни о чем не жалею, но меня уже нет. Не будь наивной, прошу тебя.

Я знала, что этот мужчина всегда будет рядом, что бы ни случилось, и смерть – еще не самое страшное.

И «открылись ей истинные имена вещей» означает, что она стала все воспринимать по-настоящему, видела самую суть реальности. Да, именно так. Если все живо – это не имя, это движение. А без живого нет вообще ничего: живое – это единственное содержание, которое имеет смысл. Вещь сама по себе. Это не выражение реальной вещи: это сама вещь. Каждый раз разная. Вот почему эстетизм – это так занимательно. Живая вещь, настоящая вещь – это не то, как ее определяют люди: это вещь, как она есть. И когда мне открывается ее значение, вещь становится мною. Главное – позволить (воспринять) то, что суждено.

Моя мама умерла. Мы это знали. Возможно, ее убили. Она могла покончить с собой – быть может, нечаянно. Полиция прекратила расследование, а как выяснить что-то самой я не знала.

Никто из семьи моего отца не пришел попрощаться с мамой. Это были не похороны, а жуткий фарс. Я единственная рыдала, пока женщины обсуждали Джоан Кроуфорд, ее дочь и партии в канасту. Я помню, как тетя Мейбл то и дело напоминала мне, что я должна предложить ее подругам шоколад. На мне был пушистый сиреневый свитер. Какая-то женщина средних лет стала дергать меня за свитер и кричать, что ей хочется поселиться в маминой квартире.

После этого мне еще несколько месяцев снились кошмары, не просто страшные сны, а что-то глубже, так что я просыпалась от собственных криков, потому что во мне столько мыслей, а мысли – это неизвестность.

Я понимаю, что вся моя жизнь – это бесконечные финалы. Не просто финалы-события, а провалы. Скажем, когда умерла моя мама, мое привычное «я» просто куда-то провалилось. Моя история закончилась в одночасье. Красивые вещи и беззаботность удивляли меня.

Потом был какой-то провал, а чуть позже я получила письмо от отца. Он писал, что уже едет с Сиэтл, чтобы со мной повидаться. А еще через несколько дней – хотя, может, меня подводит память, – я стояла в каком-то древнем баре, где все было отделано деревом, а потом сидела, и какой-то невзрачный дядька, совсем не похожий на красавца с одухотворенным взором, портрет которого у меня был, рассказывал, что он отчетливо помнит маму. Но в его голосе не было никакой печали. А ведь мама была им одержима.

– Так ты мой отец? – спросила я, наконец.

– Нет. Я его двоюродный брат.

Он начал грязно меня домогаться.

– Да где же мой отец?

– Он еще не приехал.

А потом этот пухленький коротышка сказал, что его семья очень богата. Его дочь подбирает на улицах всяких бомжей и занимается с ними сексом. И вот тогда я поняла, что и мамина богемность, и мои собственные прибабахи, которые я считала похожими на аморальность богачей – всего лишь мерзкие буржуазные забавы.

Лютеция – самый бедный, и, стало быть, самый гадкий район Парижа. Когда Карл Простоватый посещает Лютецию, ему становится так противно, что он разрывает план города надвое и велит, чтобы по линии разрыва проложили проспект.

У вдовца Ивикеля есть дочь Бланшин, здоровье которой понемногу ухудшается. Они живут в центре Лютеции. Ивикель делает для своей дочери все, что может, и решает покончить с собой, когда Бланшин умрет.

Но вот построили проспект. Солнечный свет впервые проникает в этот крысиный затон, и Бланшин становится лучше. Она поправляется. Ивикель, преисполненный благодарности, воссоздает план Лютении на шелке. Рука Карла Простоватого тянется и спасает район.

Доктор Сирюг открывает лечебные свойства синего света. Огромная линза фокусирует этот свет на больном, который зажат в цилиндрической клетке, которую называют «фокусной тюрьмой». Но лучи слишком мощные – человеческий организм просто не может их вынести. Наконец, методом проб и ошибок, доктор Сирюг устанавливает, что только древний шелк Ивикеля способен поглощать вредное излучение, чтобы синий свет стал безопасным для человека.

Я не считаю себя сумасшедшей. Просто у меня в голове нет действительности, все мои чувства разлетаются в разные стороны, и иногда мне бывает так грустно, что хочется покончить с собой. И вместе с тем я восхищаюсь всем. Я восхищаюсь небом. Я восхищаюсь деревьями, которые вижу. Я восхищаюсь ритмами. Я... я... я... я... я мне мое мною. Я не могу, не могу. Я ненавижу, когда надо брать на себя ответственность, о-о.

Мне все равно, что обо мне подумают; людям лишь кажется, что они думают обо мне; на самом деле, они думают о том, как они сами себя ведут. И мне уж точно не хочется, чтобы мне кто-то навязывал свое представление обо мне; мне больше нравится, как ведут себя животные. Лучше быть чьим-то зверьком, чем принадлежать к этой людской социальной реальности, которая сплошь обман и притворство.

Мне представлялось, что мой отец должен быть этаким мачо: неотразимым соблазнителем, наделенным почти животным магнетизмом, но он оказался на удивление приятным и добрым. Когда мы с ним виделись в первый раз, он, наверное, был очень болен. Он перенес пять инфарктов, но все

равно не отказывал себе в маленьких радостях жизни: по-прежнему пил спиртное, в тайне от тетюшек Марты и Мейбл, и съедал перед сном по полпинты кофейного мороженого. Как я понимаю, деньгами его снабжал коротышка-кузен Клиффорд Стилл.

Наверное, отец хотел, чтобы мы с Клиффордом поженились. Он верил в непоколебимую реальность, основанную на справедливости. Работящий мужчина заслужил право получать удовольствия. Если женщина заботится о своем муже, она сохраняет его любовь. Но близкая смерть – потому что мне сразу же стало понятно, что отец очень болен, – страшила еще и тем, что она непременно рассеет эти буржуазные иллюзии.

Отцу становилось все хуже и хуже, и он уже просто не мог без меня обходиться. Он хотел, чтобы я не отходила от его постели. Много мне пришлось узнать о болезнях.

– Твоя мать устроила мне веселую жизнь, Сара.

– Но вы ведь недолго пробыли вместе, папа.

– Просто жить в такой страсти невозможно. Твоя мать хотела, чтобы я выжег себя дотла. Мне кажется, это несправедливо. Я никогда ее не понимал и был нетерпимым к тому, чем она была на самом деле: я обожал статую. Если бы мы не расстались, для меня все закончилось бы плачевно. А она думала только о карьере.

– Ты считал, что любишь ее.

– Она зависела от меня гораздо больше, чем ей казалось.

– Люди, у которых нет чувства реальности, живут, как в бреду, папа. А другие не понимают, почему они ведут себя так. А они выживают потому, что все как-то выживают.

С приближением смерти отец сказал, что его жизнь прошла зря. Потому что теперь он уже ни во что не верит.

Все это происходило у меня на глазах, и я поклялась себе, что никогда в жизни не выйду замуж за человека, которого

не люблю, и не стану жить ради того, чтобы обеспечить себе уверенность в завтрашнем дне.

Меня все ненавидят. Возможно, мою мать убили. Мужчины хотят меня изнасиловать. Я постоянно болею. Мир – это рай. Боли не существует. Боль происходит от искаженного человеческого восприятия. Счастлива женщина, которая живет для других, забыв о своих желаниях. Сдерживать себя больно. Я одна в целом свете. Все события существуют отдельно друг от друга. Если есть бесконечное множество несвязанных между собой событий, где та связь, что вызывает боль?

У меня нет семьи, все умерли. Мне не узнать, кто желает мне зла, а кто нет.

ПЕРВЫЕ ДНИ РОМАНТИКИ

Отец оставил мне все свое имущество, так что, по общепринятым меркам, я стала состоятельной девушкой. Мне достался большой дом в Сиэтле. Все остальные деньги, поскольку они были вложены в акции, облигации и другие бумаги, для меня совершенно непостижимые, означали лишь то, что я уже не была неприкасаемой. Я знала, что многие отчаянно жаждут денег и славы только для того, чтобы выжить. Я знала, что для мужчин я уже не человек, а объект, туго набитый кошель. А мне нужен был человек, который любил бы меня, чтобы я смогла разгадать реальность.

Мою дальнейшую жизнь распланировали за меня: поскольку я унаследовала дом в Сиэтле, я буду жить в Сиэтле. Клиффорд, лучший друг моего отца, поедет со мной. Отныне я уже не смогу делать то, что хочу. Тетушки Марта и Мейбл проследят, чтобы я не тратила свои деньги на всякие глупости и развлечения. Мне надо будет привыкнуть к этой реальности.

Папа умер в середине января. То есть почти два года назад. Я не стану описывать Саттон-Плейс, где находится Эшингтон-Хаус, потому что страшно по нему скучаю.

*Канун святой Агнесы... Холод злой!
Иззябший заяц прячется, хромая;
Взберишил перья филин под ветлой,
И овцы сбились в кучу, засыпая.
Монашья четки медлят, застывая,
Не повинуюсь ноющим рукам.
Дыханье мерзнет, в полумраке тая,*

*Как будто из кадила фимиам
Пред Девой Святой восходит к небесам¹.*

Снег шел беспрестанно. Крыши домов, деревья, машины – все было покрыто снегом. Безрукие люди брели по улицам, прямо посередине проезжей части. Точно как в тот раз, когда отрубилось все электричество, Нью-Йорк превратился в счастливый маленький городок или в несколько городков, растянувшихся в ряд. Всякий раз, когда мой рассудок смотрелся в зеркало, он подсчитывал меру своего блаженства: я шла по улице. На меня никто не нападал. Теперь в моей жизни не было ни драм, ни страсти. У меня были мгновения счастья (без саморефлексии), когда я читала книги.

Я знала, что никогда не смогу жить с женщиной, потому что, хотя мне безумно хотелось любви и привязанности, я не собиралась отказываться от своих желаний (а именно этого требуют все мужчины) и никому не доверяла. В моей жизни были мужчины, но не те мужчины, которые что-то значат: Клиффорд, которого я ненавидела, и мальчишки-курьеры, изнеженные и безвольные.

Только ощущения. То, что наше воображение понимает как Красоту, наверное, и есть правда – существует она или нет в материальном воплощении, – потому что мое Представление о наших Страстях совпадает с моим Представлением о Любви, которая в наивысшем своем проявлении способна породить Красоту... Воображение можно сравнить со сном Адама: он проснулся и обнаружил, что все, что он видел – правда. Я в этом еще более страстна, потому что до сих пор не сумела понять, как можно дойти до истины посредством логичных умозаключений... хотя, наверное, можно. Но я сомневаюсь, что даже величайшие из философов приходили к

---

¹ Здесь и далее отрывки из поэмы Джона Китса «Канун святой Агнесы» в переводе Сергея Сухарева.

своей цели, не отвергая по пути множество возражений. Так что я за Жизнь в Ощущениях, а не в Мыслях!

Из шелков и атласа стеганого атласа снятого с бабушкиной постели из плотного атласа и черного меха состриженного с живых ягнят из хлопка стали и шерсти из густого дерьма пережеванной корицы коры пушистой ангоры и льна гусиного пуха и перьев из легкой дремы

Из пирамиды сыров посыпанных красным перцем из перезрелых овечьих сыров с голубыми прожилками плесени сыров чередующихся с вином портвейном и хересом из рассыпчатых крошащихся если надавить пальцем безвкусных физическое прикосновение ощущение которое больше чем вкус запах замкнутый на себе

Перед глазами: красный синий зеленый желтый коричневый серый малиновый дымчато-голубой серо-сиреневый самых разных очертаний и в самых разных сочетаниях – движутся в почти неуловимом ритме. Таковы наслаждения разума.

Впадать в отчаяние – это большая ошибка. Также ошибочно думать, что если всегда потакать себе и своим желаниям, ты непременно избежешь боли. Желание гонит прочь все остальное: небо, дома, удовольствие от чашечки капучино. Захваченное желанием, тело-разум замыкается на себе и начинает себя ненавидеть.

Желание – Хозяин и Повелитель.

Секрет в том, чтобы сойтись с человеком обособленно от желания, если такое вообще возможно.

Тело больно, оно отдаляется от сознания. С приходом старости тело болеет все больше. Это неизбежность. Когда тело болеет, болят нервы, болеет и разум, потому что не знает, может ли доверять себе. Теперь ты кричишь не от боли, – боль принимается как неотъемлемая часть твоей жизни – теперь ты кричишь, чтобы прогнать подступающие сомнения.

Скажу вам одну вещь. Автор книги, которую вы читаете, – жалкая трусливая тварь. Ей страшно, она забыла, что у нее за жизнь, она боится всего на свете, уже ни во что не верит и готова идти за первым встречным. Как собака. Она вообще ни хрена не знает, ей страшно узнать, что такое любовь, она не способна понять, что такое деньги, она бежит от людей, и поэтому все, что она пишет – сплошное незнание. К тому же у нее не хватает смелости развлекать публику. Ей бы надо набить эту книгу порнографией, пиздами, огромными, как Эмпайр Стейт Билдинг, сочащимися у вас перед носом, а потом подпустить грубости и насилия: все равно все утратило смысл. И она говорит: я дура, потому что мне хочется всем угодить. А что мне прикажете делать? Поучать?

Автор: тупая ты соска. Если какой-то придурок купил эту книгу, пусть прочтет ее хоть бы ради приличия, а если я ему не нравлюсь, так это его проблемы.

Он (автор) не сумел изобразить характеры, он их не знает. С Варфоломеевскими птичками он никогда не якшался. Он не вывел ни меченосцев, ни шитоносцев, ни Маленького Деви, собиравшего в мое время пошлину со сводников, нет у него и добросердечного лекаря, на случай если у кого-нибудь в пьесе зубы заболят. Ничего этого нет! Даже нет того, чтобы разносчик, торговец игрушками, ночью вырезал дыру в палатке и залез к своей соседке поживиться. Ничегошеньки! Нет, вот я знаю писателя, который, кабы его допустить к этой теме, устроил бы вам на сцене такую кутерьму, что вы подумали бы, будто в Нью-Йорке землетрясение! Но у наших господ сочинителей есть свое собственное направление, дурацкое направление. Никаких советов слушать не хотят. Ну разве не стоило показать блудницу с задранными ногами в обществе остроумных господ из полицейского участка? Что вы скажете о таком представлении, а? Так он ведь и слушать об этом не хочет! Я, по его мнению, осел! Это я-то!

Автор: Чего? Что за странный дискурс ты откопала, а? Ты что, нашла тут друзей и вся такая теперь независимая? Ты поумерь свой пыл, девочка, не доросла еще, чтобы строить из себя маститого критика.

Мы плывем сквозь завесу – чего? Что за осязаемая тьма? Что это за испарения и дым, словно весь мир в клубках пара вертится вокруг своей оси, точно на вертеле?

Матросы, которые еще давно для надежности привязали себя к гакабортам, все равно погибли от голода.

– Смотри, – сказал Джексон и закашлялся, перегнувшись через поручни, – видишь, вон там: это гроб моряка. Ха! Ха! Ну что, Пуговица, – оборачиваясь ко мне. – Нравится тебе, Пуговица? Хотел бы отправиться с ними по морям-океанам, с этими мертвецами? По-моему, было бы весьма забавно! – Он думал рассмеяться, но снова закашлялся.

– Не шмейся над беднягами, – сказал Макс, вдруг посерьезнев. – Эти тела, эти бедные души... они дальше, чем Мышь Доброй Надежды.

– Мышь Доброй Надежды, Мышь Доброй Надежды, – передразнил Джексон голландца, – для них, штарина, нет уже никакой надежды, ни доброй, ни жлой; они утонули и ум...ли, как умрем и мы, Рыжий Макс, темной глухой ночью. – ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО Я ЗНАЮ НАВЕРНЯКА

Чтобы доказать, что в мире нет ничего, во что можно верить; ничего, что можно любить и ради чего стоит жить; мир достоин лишь ненависти.

Видите ли, сэр, знающие люди из Каулейна составили для моей матушки гороскоп; они гадали по ее моче и уверили ее, что она не будет счастлива ни одной минуты, если не выйдет замуж на этой неделе, и притом обязательно за сумасшедшего.

Почему Мелвилл не покончил с собой?

Он просто не хотел.

*Тайком она ему укажет путь
В покои Маделины, где влюбленный
За полог скроется, боясь дохнуть –
Невидим там пребудет, упоенный
Невинной красотой во власти сонной:
Невеста будет там наречена,
Где в полночь фей ступают легионы:
Такая ночь, как эта ночь, одна*

Старуха ведет его по бесчисленным коридорам, в девичью спальню. Там он прячется за портьеру и смотрит на девушку, в которую влюблен. Резная оконная рама, витражное стекло, в центре – щит, в центре – кровь. Девочка, еще не знавшая хуя, раздевается у кровати. Ложится и засыпает. Молодой человек покрывает ее обнаженные груди узором из засахаренных фруктов яблок облитых карамелью мармелада коричневых ирисок и серебра и тихонько ложится рядом.

Она не просыпается.

– Вот, Сара, держи. Исключительно в лечебных целях, – он подал мне полную кружку. – Это тебя согреет. Тебе обязательно надо согреться. Сейчас бы тебе, по-хорошему, надо отмокнуть в горячей ванне и забраться в теплую постель... но, боюсь, в коттедже «Попугай» такие роскошества не доступны. Впрочем, ладно. За неимением ванной, это – самое лучшее, что только можно придумать.

Я сделала, как он сказал, и возненавидела себя за это. Но мне сразу стало хорошо, потому что горячий напиток помог расслабиться, снял напряжение; да, мне было хорошо и покойно, и этим я предавала саму себя.

Мне надо было цепляться за эту радость, чтобы больше не понимать, что со мной происходит. Чувственная красота оправдывает себя, ибо она себя порождает. Непрестанная

бесконечная чувственность – но не страсть, которая разрушает, – не допускает ни времени, ни памяти. Все, что случилось, потом помогло мне понять свою собственную природу; я помнила все, что произошло следом. Я знала, что это блаженство есть, будет всегда и как-то связано с неприязнью.

Это похоже на сон: желания тела незатейливы, как в любом сне. Тело, желающее мужчину, которого я терпеть не могу – Клифффорда Стилла, не может быть моим телом, так что это меня не огорчает. Я знаю, что он лучше меня самой знает каждую клеточку моего тела. Он хитрый. Он знает, как сделать меня такой, какой ему хочется меня видеть.

Он говорит, что это любовь. Я бормочу что-то насчет той девчонки, на которой, я слышала, он собрался жениться. Он смеется, и его смех меня возбуждает.

– Она здесь, со мной, – сказал он. – Ее зовут мисс Сара Эшингтон. Я с первого взгляда понял, что это моя судьба.

Мы поженились, но мне по-прежнему очень хотелось ему рассказать, как мне страшно. Я не любила мужчину, за которого вышла замуж. Он меня подавлял и будил во мне темные страсти. В тот роковой миг мне почудилось, что он неотразим. Я его не люблю, кричала я безмолвно. Я ненавижу это безмолвие. В любви я хочу нежности и тепла, а не этой бешеной страсти, в которую он меня погрузил.

Он встает на колени, он целует мне лоб, веки, горло. Он целует мое обнаженное сердце. Его элегантные пальцы сотрясают мое обнаженное сердце, и вот он уже приникает ко мне (он шепчет мне, шепчет в меня) Этот шепот – как дуновение прохладного ветра Этот шепот меня подчиняет Этот шепот – мое дыхание

Полисмены в Париже носят синие треуголки, они проходят мимо зданий, которые меньше их самих, а убийцы – все на одно лицо, и все ходят в черном. Убранство Венеции – точно-точно как в сказке. Улицы Рима залиты светом, хотя солнца

нет там, где живут, наверху, я блуждаю из комнаты в комнату, и все, что внутри, получается как бы снаружи, хотя это не так. Иногда я убиваю какого-то человека или меня убивают какие-то люди. Я никогда не могу разглядеть их лиц.

– Сара, любовь моя, – прошептал он, – ты разве не поняла? Так и было задумано.

– Я тебя изнасиловал, – сказал он.

Я только смотрю недоверчиво и молчу.

– Я хочу, чтобы ты поняла, какой у тебя изобретательный муж. Знаешь, каким он бывает коварным, этот зимний туман? Мне вдруг пришло в голову, тут ведь очень легко сбиться с пути... ходить кругами. Ты быстро устанешь. Вдруг перестанешь понимать, что делаешь. А я напою тебя допьяна. Стану твоим спасителем. Под видом Господа Бога буду делать все, что мне хочется. И ты поймешь, что такое романтика.

– А любовь – это всегда так противно? – Я по-прежнему полагала, что он может мне пригодиться.

Он рассмеялся.

– Что ты говоришь, мой котенок? Что говорит твое тело, когда я к нему прикасаюсь? Я – мужчина, Сара; а не какой-нибудь сладкоречивый изнеженный мальчик, который якобы тебе нужен. Ты никогда не узнаешь, кто я.

– Но мне все равно мерзко и гадко, что ты меня изнасиловал, а ведь ты изнасиловал меня нарочно.

– Твое сердце подсказывает тебе правду, – ответил он.

Я не знала, любила я своего мужа или нет.

Я его ненавидела я его ненавидела но я знала: если он бросит меня, я умру.

*«О нежная невеста – Маделлина,
Мечтательница милая моя!
Нет для меня другого властелина,
Твоим вассалом верным буду я –*

*И, преданность священную тая,
Твоим щитом багряным буду ныне.
Доверься мне: заброшенный в края
Мне чуждые, я мнил себя в пустыне –
И вдруг, как пилигрим, приблизился к святыне».*

Может быть, мой любимый хочет меня убить?

Может быть, мой любимый хочет завладеть моим наследством?

Может быть, мой любимый – никчемный болван?

– Ты должна мне доверять, – говорит он. Но не объясняет, почему. И как только он говорит, что я должна ему доверять, он забирает мои драгоценности – не все и не самые мои любимые, – чтобы их продать, потому что деньги нам не помешают, а когда я спрашиваю у него, где деньги, он как будто не слышит.

И всегда виновата я.

Мне снова снятся кошмары.

Как я уже говорила, была зима. Ветер поднялся три дня назад и с тех пор не стихал ни на секунду – его приютили бетонные здания, его удержали уличные фонари, все постели и улицы стали ветром. Моя кожа – и то, что под кожей, – дрожит, отзываясь на перепады температуры, я не знаю, что такое сомнения души и сомнения разума.

Я хочу научиться прозрению. Если я делаю все, чтобы изменить свое «я» (мое «я» – это мои желания и грезы), чтобы мне не пришлось с ним расстаться, с этим мужчиной – если мы с ним расстанемся, мне уже никогда не захочется быть с мужчиной, чтобы не создавать себе лишние сложности, – может быть, изменяя себя, я отказываюсь от всего, что есть самого дорогого и проникновенного: от прозрения? Или прозрение никак не связано с волей и непременно должно проявиться само по себе?

Когда я училась в восьмом классе, у нас в классе были две девочки, сестры-близняшки – они, единственные, считались такими же умными, как я, – так вот, эти девочки представлялись мне воплощением абсолютного зла. Я все время думала о них или об абсолютном зле. Мой муж хочет, чтобы я положила все свои деньги на общий счет в банке и составила завещание на его имя.

Как узнать, правильно ты поступаешь или неправильно? Как узнать, когда наши поступки затронут кого-то и причинят ему боль? Как выбрать что-то одно? Разве это возможно? Я знала, что не должна ничего выбирать и что мне надо спастись.

Вы, промозглые ветры, вы, холодные воздушные змеи, что обвивают живую плоть, вы, силы природы:

АРТИСТИЧЕСКИЕ КРУГИ СИЭТЛА

Безвременье против времени.

Бедным негде взять денег. Поскольку в американской культуре настоящим считается только материальное (фактически, только деньги) у тех, кто хочет творить искусство, если они не согласны обращать свои произведения в не-искусство, то есть в предмет потребления, нет возможности заработать себе на жизнь. Почти у всех художников, что продолжают творить искусство, либо изначально есть деньги, либо они живут за счет как минимум одного состоятельного сексуального партнера. Да, есть несколько художников, чьи работы востребованы этим обществом, поскольку стране необходима международная пропаганда (для материалиста нет ничего более безобидного, чем формалистические эксперименты). Таким образом, у американского художника есть примерно один шанс из 100 000 заработать на жизнь своим искусством. Тем не менее, все художники надеются на успех: на этот один шанс из 100 000. А после пяти (десяти, тридцати) лет либо медленного умирания от голода, либо – если их содержат родственники или сексуальные партнеры, – острой нехватки признания и ответной реакции (потому что лишь считанные единицы получают признание и имеют возможность продавать свои работы), как минимум три четверти художников, которые еще живы, готовы на все, лишь бы добиться успеха: они либо обращаются к более коммерческим, более утилитарным проектам, либо стоят с протянутой рукой. И, тем не менее, все больше и больше людей в больших городах Америки хотят стать художниками, потому что только художники по-настоящему счастливы, понимают реальную жизнь, и нет занятия

лучше творчества. На рынке искусства предложение превышает спрос, и художники не поддерживают друг друга, каждый норовит ударить другого в спину и готов на всё, чтобы выжить.

Есть один очень хороший художник (то есть, желающий заниматься только искусством), который хочет, чтобы подлинный мир был в центре его творений. Все художники признают это великолепное качество. Он очень чувственный, так соблазнительно виляет задом и вообще знатный ебарь, и все художницы мечтают с ним трахнуть. Он живет в Сиэтле. Он перетрахал всех художниц в Сиэтле. И все эти художницы по-прежнему влюблены в него. И вот в Сиэтл приезжает новая художница, более известная, чем тамошние художницы, потому что она из Нью-Йорка. Все художники любят ее, поскольку она пока держится в стороне от тусовки и ни с кем не соперничает. Она выходит замуж за принца Клевского и поэтому может себе позволить уехать из Нью-Йорка.

Встретившись, эти двое бешено влюбляются друг в друга. Хороший художник уже ничего не творит, потому что не может работать за деньги и создавать настоящие произведения, он не желает умирать от голода, он не желает работать по чьей-то указке, он не желает унижаться и ублажать самолюбие какого-то торгаша, известного торговца картинами из Сиэтла, который раскручивает молодые таланты. Принцесса создает много произведений, потому что уже сделала себе имя в Нью-Йорке. Но она не перестанет творить, чтобы поддержать менее состоятельного художника, хотя и чувствует себя виноватой. Своего нового мужа, принца Клевского, она не любит.

Сейчас молодые люди вступают в брак, потому что насмотрелись на своих родителей, которые в погоне за удовольствиями потакали своим прихотям и в итоге сломали

себе жизнь; они видят, чем обернулся всеобщий нигилизм 1979-го года – повальной смертью от передозировки или рака. Герцог Лотарингский женится на принцессе Клод де Франс, второй дочери короля. Елизавета Французская хочет замуж за герцога Немурского.

Тем немногим мужчинам-художникам, которые все же добились успеха, хочется паялить девчонок, которые младше их лет на двадцать. Почему мужиков тянет трахать тупых мокрошелок, а потом и жениться на них, ведь с ними неинтересно разговаривать, неинтересно состязаться? Как говорит мать принцессы Клевской: изучайте историю человечества и найдете ответы на все вопросы. Если хотите понять смысл события, всегда увеличивайте (в своем восприятии) его замысловатость.

Исторический пример: наш бывший король встретил мадмуазель де Писселье, когда та была совсем юной девицей, и влюбился в нее без памяти. Потом он влюбился в Диану де Пуатье, но не отказался и от мадмуазель де Писселье. Его старшего сына отравили. Он постоянно брюзжал и жаловался Диане де Пуатье на своего второго сына, и та сказала, что влюбит принца в себя – и влюбила. Король всячески привечал и поддерживал своего третьего сына, герцога Орлеанского, из-за этого братья ненавидели друг друга. Мадмуазель де Писселье сделалась герцогиней д'Этамп. И король, и герцогиня д'Этамп ненавидели Диану де Пуатье. Герцог Орлеанский умер от лихорадки. Король тоже умер. Поскольку нынешний наш король, второй сын покойного короля, обожал Диану де Пуатье, он хотел было отправить в изгнание всех ее постоянных любовников, но не смог, потому что боготворил эту женщину. Даже когда она постарела, и ее красота стала увядать, он все равно ее не разлюбил. Он назначил ее основного любовника губернатором Пьемонта, но поставил видама де Шартра за ним

приглядывать, чтобы этот любовник не зарывался. Диана де Пуатье ненавидела видама де Шартра, а заодно и всю его семью. Племянница видама де Шартра недавно стала женой принца Клевского.

Существует чистота. Весь мир – но не сам по себе, а как убежденность, что между событиями нет качественных различий, так что деньги становятся единственной ценностью, – ненавидит чистоту. Чистота – это уже навсегда. Тут нет двойственности, чистота – явление исключительное. Но (взаимосвязи): история. История плюс история плюс... получается... гобелен. Человеческое образное восприятие (взаимосвязь) увеличивает восприятие. Может ли чистота стать историей?

Поскольку все ее знакомые художники ебут все, что шевелится, а мужчины-не-художники наводят на нее тоску, художница не верит, что любовь и чистота в этом мире возможны, и остается со своим мужем.

Она изучала историю и знает, что чистота происходит из лжи и грязи: исторический пример: когда мадам де Турнон рассталась с поэтом, который жил на ее содержании, заставляя ее сниматься в порнофильмах и выступать в секс-шоу, она заявила, что ненавидит мужиков. Она навсегда останется лесбиянкой, чтобы полностью посвятить себя искусству, хотя до сих пор не уверена, что ебаться с женщинами ей нравится больше, чем с мужчинами. Ее бывший муж, Питер, до сих пор любит ее без памяти, хотя она и лесбиянка. Пол сказал Питеру, что у него сейчас десять любовниц, и он пялит всех, потому что ему постоянно хочется. Питер – единственный человек, которому он осмеливается признаться. Не дай бог его девушка об этом узнает; когда его бывшая жена узнала, что он изменяет ей всего лишь с одной любовницей, у нее был эпилептический припадок, она пыталась покончить с собой и развелась с ним. На следующий день

мадам де Турнон рассказала эту сплетню всем своим любовницам, среди которых была и подруга Пола. Жан-Жак объявил всем, что мадам де Турнон собирается за него замуж. Джеффри не сомневался, что мадам де Турнон собирается замуж за него. Мадам де Турнон считают самой честной художницей в Париже.

Принцесса Клевская знает, что герцог Немурский в нее влюбился, хотя она замужем; но он – художник и ему насрать на чужие чувства.

Миф искусства: ради того, чтобы творить, художники делают все, что угодно. Они не допустят, чтобы какие-то желания мешали работе. Они вынуждены отказываться от продолжительных удовольствий. Когда – и если – они влюбляются, они либо ломают жизни любимым, либо преобразуют свою любовь в неприязнь или отчаяние. Так что художники склонны любить либо неодушевленные вещи, либо людей, которые их избегают. И поэтому наша художница отвергает хорошего художника.

Исторический пример: Питер безумно влюбился в Кэти, хотя она была замужем. Кэти сказала Питеру, что раз закон ни гроша не стоит, потому что все политики жулики, Питер может жениться на ней и так: ей не обязательно разводиться с мужем. Хотя Питер в моральном отношении был мещанином, он так хотел Кэти, что согласился на ее вызов. Он не расставался с Кэти шесть лет, а она все это время трахалась со всеми художниками подряд, потому что искала кого-нибудь побогаче и, главное, более знаменитого, чем Питер – чтобы тоже стать знаменитой. Питер скрывал свою ревность. Кэти с матерью Питера только усугубляли его неуверенность в себе, постоянно напоминая ему, что он недостаточно богат и знаменит. А когда он стал богатым и знаменитым, чего так хотелось Кэти, его ревность прорвалась, он принялся домогаться одну девчонку, которая была влюблена в кого-то

другого, и убил Кэти. И сумел отвертеться, потому что богатство и слава – великая сила. Он влюбился в Мафиозу и избил ее плеткой. Он любил многих женщин, – отчасти тут был виноват кокаин, которым его снабжала одна подруга, – и впоследствии убил нескольких жен.

Конец ненависти. Этого мифа искусства. Теперь художница может любить.

Сезанн допустил одновременное существование сразу нескольких точек зрения, и таким образом навсегда исключил для искусства возможность передавать неподвижные изображения или портреты. Кубисты пошли еще дальше. Они нашли способ, как сделать формы предметов подобными. Если два разных предмета можно передать на холсте с помощью одних и тех же изобразительных средств, значит, можно найти зримое выражение и для взаимодействия между ними. Эти взаимодействия предметов оказались куда интересней самих предметов, и, таким образом, представление о портретном изображении – и соответственно о реальности – было подорвано и пересмотрено.

Три группы олигархов, – владельцы северо-восточных банков, высокопоставленные военные и нефтяные магнаты-южане, – контролируют американское правительство. Художница не знает, кто ее настоящий отец. За три месяца до ее рождения ее отец бросил маму, и, по славам самой мамы, так больше ни разу и не появился, чтобы повидать с ней или с дочкой – потому что он робот. Она знает, как зовут отца, один ее друг разыскал его. Ее отец – тайный глава коалиции северо-восточных олигархов. Даже американцы не знают, кто он такой.

Как глава коалиции олигархов он часто использует ЦРУ для своих личных целей. Однажды через ЦРУ он нанял хорошего художника. Желу художника он отправил на Кубу с одним самоубийственным поручением. Художница знает, что

статус художника – только прикрытие. На самом деле, хороший художник – наемный убийца, поэтому он так безупречно чист.

Хотя многие нью-йоркские меценаты также входят в северо-восточную коалицию олигархов, они пытаются прикончить ее отца, потому что он поддерживает Рокфеллера, а они делают ставку на Рейгана. Как одно из прикрытий они используют Галерею Мальборо.

Муж художницы, с которым она разошлась, спал с ее матерью. Ее отец застал их в постели и в припадке ревности убил жену. Любовник отомстил мужу, женившись на его дочери и отобрав ее у отца. Муж любит ее, потому что входит в северо-восточную группу Рейгана и хочет использовать жену, чтобы прикончить ее отца.

Художница по-прежнему убеждена, что искусство – единственное, что есть чистого в этом мире. Покровители искусства из северо-восточных олигархов снимают скрытой камерой все, что происходит в спальнях, и даже устраивают постановки постельных сцен, чтобы собирать информацию и шантажировать. Порнофильмы, которые им (уже) не нужны, они продают под видом высокого искусства. Один знаменитый нью-йоркский художник обожает такие тайные съемки и скупает снафф-фильмы. Художница узнаёт, что ее отец убил мать. Пользуясь ее растерянностью, меценаты решают ее добить и показывают ей видеозаписи, на которых хороший художник ебет все, что находится от него на расстоянии в восемь с половиной дюймов (длина его члена). Художница перестает понимать, кому и чему верить, искусство теряет смысл, она бросается к мужу в объятия и рассказывает ему все. Она не знает, что он – главный злодей, собирающийся погубить ее отца.

Любой, даже самый безумный поступок – этим и объясняется панк – это прорыв сквозь мертвечину. Хороший

художник подслушал, как она все рассказывает своему мужу, и хотя он ей не доверяет, он догадывается, что политики хотят убрать их обоих.

В Нью-Йорке, где полиция из 14-ого участка хозяйничает на 42-ой улице, есть специальный суд, рассматривающий дела о непристойном поведении. Мафия и один повязанный с ней еврейчик владеют секс-шопами и порно-шоу на 42-й улице. Каждый месяц магазины и порно-театры отстегивают окружной прокуратуре. Окружная прокуратура – без ее ведома ни один тупой легавый никуда не сунется – отдает распоряжение местной полиции провести проверку в каком-нибудь магазине, когда нужна огласка, – например, чтобы поспособствовать туризму, или когда кто-то из больших боссов в полиции уходит на пенсию, а босс помельче знает, что если на первой полосе «Дейли Ньюс» появится статья о том, как он очистил 42-ю улицу, он получит повышение. Окружная прокуратура предупреждает владельцев, что готовится рейд, так что попадется лишь мелкая сошка. В любом случае, хозяева магазинов и порно-шоу никогда не показываются в своих заведениях (не говоря уж о том, чтобы их там ПОЙМАЛИ), потому что не исключено, что какой-нибудь тупоголовый коп – а их недаром считают дебилами, – может и не признать в нем большого начальника.

В подвале типичного магазина на 42-й улице стоят десять кабинок пип-шоу. Иногда какой-нибудь призрачный бизнесмен запихивает в прорезь для монет лезвия бритвы, измазанные дерьмом. Наверху идет представление – для бизнесменов и стариков, у которых уже не встает по-другому, – получасовая программа каждые полтора часа. Эти спектакли являются важной, хотя и неброской формой социального обслуживания.

В зале «суда непристойного поведения» было не продонуть. Один иностранец, нелегальный эмигрант из Индии,

купивший билеты на секс-шоу, вопил, что все в магазине, включая зрителей, должны ответить за мерзопакость, которая там творится – все, кроме него. Два гаитянина, тоже нелегалы, крутившие проектор в порно-кинотеатре за половину жалования, потому что они были иностранцы, ничего не понимали, а если бы начали возмущаться, их бы депортировали из страны, да и по-английски они не говорили, – и парочка хиппи, девчонка и парень, выступавшие в секс-шоу, когда в заведение ворвалась полиция (на самом деле, они не делали ничего такого; просто таранились друг на друга и тупо мычали, потому что парень питал отвращение к женщинам, а у девчонки была запущенная инфекция яичников, так что она выла от боли, когда ей вставляли, а синтетический морфий, которым она эту боль глушила, обходился ей в сотню баксов в неделю, и чтобы его покупать, ей надо было работать, а чтобы работать, приходилось колоть его постоянно): молча ждали суда. Когда их нанимали, босс пообещал, что если они попадут в облаву, за их освобождение заплатят. Зал суда был маленький.

Судья вошел в зал, и все присутствующие поднялись и громко принесли присягу. Потом снова сели. Двум молодым женщинам, блондинкам с пышными кудрями, велели встать. Судья спросил, есть ли у них адвокат. Худосочный сотрудник службы бесплатной юридической помощи поднялся с места с папкой в руках и сказал, сморщившись от отвращения, что он представляет в суде этих женщин (поскольку никого другого не было). Молодой человек десять минут рылся в своих бумагах, чтобы понять, кто эти женщины такие. В зале суда было душно и жарко. Потом этот тощий в черном костюме подошел к судье. Они о чем-то переговорили вполголоса. Худосочный еврейчик попросил чернокожих женщин пройти вперед. Судья зачитал им какие-то числа. Адвокат ответил перечислением других

чисел. После чего двое охранников подтолкнули женщин к дальней стене, в закуток за громадной судейской кафедрой. В зале было невыносимо жарко. Разговаривать не разрешалось: в знак уважения к правосудию и судье. Вызвали следующих обвиняемых, двух чернокожих. Первый, похоже, вообще не понимал, что происходит. Бесплатный адвокат посоветовал ему признать себя виновным, потому что ему все равно не отвертеться. Он сказал: «Я виновен», – хотя не знал, в чем его обвиняют; судья назвал какие-то числа, и адвокат назвал какие-то числа. Вооруженный охранник подтолкнул подсудимого к дальней стене. Все обвиняемые, за исключением индуса, двух гаитян и парочки хиппи из секс-шоу, были черными, и все бесплатные адвокаты, которые не знали своих клиентов, велели им признать себя виновными. В остальном они изъяснялись на математическом языке, чтобы никто ничего не напутал.

Наверное, был уже полдень – яркий солнечный свет проникал даже сквозь плотный слой серой грязи на окнах, – когда судья вызвал двух хиппи. Парень был в костюме от Билла Бласса. Девушка – в недорогом, но вполне презентабельном сером костюме и аскотском шарфе. Они хотели показать судье, что они намного приличней всех прочих обвиняемых. Их босс, еврей-антрепренер с 42-й улицы, дал им одного из своих адвокатов. Адвокат и судья нашептывали друг другу числа. Хиппи ни слова не разобрали. Тут появился босс и подошел к судье. Сунул руку в карман и достал толстую пачку крупных купюр. Помахав этой пачкой у судьи перед носом, он спросил:

– Я что, мало тебе отстегнул?

– Не здесь, – громко ответил судья.

Судья с адвокатом шепотом обменялись числами. Хиппи провели в дальний угол, где была деревянная дверь в фойе. Прочь из дворца правосудия.

До того, как устроиться на работу в секс-шоу, она зарабатывала на жизнь и лекарства, снимаясь в одиночку или с партнером в порнофильмах. Она решила зарабатывать этим на жизнь, потому что, когда еще училась в престижном университете на Восточном побережье, знакомый врач сказал, что она потрясающая красавица. Она нашла эту работу, когда искала объявления для фотомоделей на последней странице «Виллидж Войс». Мужчины говорили ей, что она слишком красивая, чтобы работать девочкой по вызову, и что ей надо продолжать учебу; или же задирали ей майку и объясняли, что у нее слишком большая или слишком маленькая грудь. Она ужасно стыдилась своей груди. Поначалу она не зарабатывала ни гроша, но все равно продолжала работать, потому что важнее денег – хотя деньги, конечно же, самое главное, – была уверенность, что она сможет выжить, что бы ни пришлось делать. Когда надо выжить, мысли становятся роскошью или, если ты их контролируешь, способом сделать нужду приятной. Однажды, откликнувшись на объявление, она пришла в одну подвальную студию в Вест-Виллидж. Обстановка выглядела дорого. Черный фотограф сказал, что ему нужны снимки обнаженной натуры для игральных карт. Заработок легкий, так что она согласилась. Фотограф показал ей несколько снимков пизды и хуя на картах. Она сказала, что приведет своего бойфренда, с которым работает в паре.

– Нет, – сказал фотограф, запирая дверь на ключ, – мы используем твою пизду и мой хуй.

– И как, интересно? – спросила она.

– У меня все наработано.

Она сказала, что у нее гонорея, он ответил, что наденет гондон. Она рассудила, что даже если ее изнасилуют, она хотя бы ничего не подцепит.

– Это займет недолго, – сказал фотограф.

Пока он ее паялил, девушка лежала, как бревно, и не позволяла себе получать удовольствие, потому что именно так ее страх выливался в ярость.

НОЧЬ

Сажу у окна, в эркере. Мое тело почти полностью скрыто волнами шелковой шторы. Лампы в этой роскошной студии, где все из серебра и дерева, сияют, словно не освещают пространство, а просто сжигают себя во тьме, которая без них станет непроглядной. Эта безымянность и есть жизнь. Здесь где кружатся и поворачиваются взгляды мечутся и скользят а языки следуют за ними только смотреть только выставлять напоказ менять облик каждое платье должно быть самым элегантным каждый сосок самым упругим цветов немного и все они мертвые красное это не кровь но румяна здесь вместо туши: быстрое движение скул: от волос делающих кожу такой же жесткой лица становятся невидимыми: ногти покрытые лаком по сто долларов за пузырек творят единственный свет единственный шепот единственную болтовню. Это убежище тех, кто живет в мечте. Самые богатые, самые знаменитые, самые отважные: порой человек может позволить себе желание. Скользнувший в сторону взгляд при упоминании какой-нибудь сделки, возбужденное «я», привычно грязные джинсы, протертые на коленях у человека, объясняющего, что он творит историю, твердые члены, быстрый ток крови, кошки здесь в почете, легкомыслие этих людей, которым доступны все мирские соблазны, опьяняет; холодная белизна и упоение развлекают разум, уже охваченный лихорадкой.

Я тоже хочу быть среди этих передовых людей, и я надеваю маску:

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ

Клиффорд работает водителем грузовика. Он не ходит в контору; каждый день ему нужно звонить и спрашивать, есть работа или нет. Когда работа есть, приходится ездить по десять часов, а потом решать, брать ли еще заказ. Обычно он работает пятьдесят часов в неделю. Он говорит, что он художник. Он говорит, что у него нет времени заниматься искусством. Он говорит, что его маршруты – это его язык. Он традиционалист, а не авангардист, поскольку изображает то, что видит, но не может обсудить это с другими, потому что кроме него этого не видит никто.

В семь утра радио начинает громко играть рок-н-ролл. Клиффорд обоссал сортир, потому что забыл поднять стульчак. Он берет телефон, набирает номер, говорит «Клифф» и вешает трубку. Женщина, с которой он живет, в этот момент включает свет над кроватью, встает, заваривает чай, насыпает в миску овсяные хлопья, заливает их кипятком, чтобы, когда она снова проснется в полдень, каша была готова. Они не разговаривают друг с другом, иначе обязательно поругаются. Он говорит: «Всего хорошего» и уходит. Она пытается снова уснуть.

Каждый вечер он ходит в бар и (хотя у него совершенно нет времени на чтение) разглядывает только что купленную книгу, точно это драгоценность. Иногда он просто сидит, молчит и улыбается. Он очень дружелюбно относится к случайным знакомым. Потом идет куда-нибудь ужинать или сразу домой поспать. Когда он в плохом настроении, он не воспринимает происходящее вокруг.

По выходным он ходит обедать в модные рестораны, чтобы почувствовать себя богатым и свободным. Он научился

выбирать хорошие вина и носить дизайнерские костюмы. Он терпеть не может дешевку. Он не хочет жить как убогий бедняк. Он делится своими политическими взглядами, обсуждает мировые события и свои планы на будущее.

Я боюсь Клиффорда.

Я уже и не знаю, почему я его боюсь.

Он меня ненавидит.

Он делает все, чтобы задеть меня побольнее, не просто так, а исподтишка, намеренно меня провоцируя: иногда он бывает таким хорошим (а когда ему хочется, он умеет быть ПО-НАСТОЯЩЕМУ милым, и я всегда покупаюсь на это), и тут я вся таю и говорю ему:

– Да, милый, да. Я люблю тебя. Я сделаю все, что ты хочешь.

Потому что, когда я люблю человека, и особенно если он хорошо меня трахает, я сделаю для него все, а в остальном я терпеть не могу мужиков, то есть не то чтобы ненавижу, просто не люблю, чтобы они меня трогали, потому что их пальцы меня обжигают. И вот мы сидим в модном ресторане у всех на глазах, и он начинает мне громко втолковывать, приводя примеры, какая я сволочь

(Женщина садится за столик, накрытый белой скатертью.)

КЛИФФОРД: Ты не умеешь любить.

САРА: Я любила тебя.

КЛИФФОРД: Ты меня никогда не любила. Ты только берешь. Отдавать ты не умеешь.

САРА: Я переехала в Сиэтл, отказалась от карьеры, бросила все в Нью-Йорке, чтобы быть с тобой. Я отдала тебе все свои деньги. Почему я это сделала?

(Они говорят так громко, что немолодые семейные пары, сидящие в ресторане, поглядывают на них.)

КЛИФФОРД: Не знаю. Наверное, у тебя были свои причины.

САРА: Какие причины?

КЛИФФОРД: Не знаю. Ты сама должна знать. Ты вечно твердишь, что мне пора повзрослеть. Это ТЕБЕ пора повзрослеть.

САРА (понимает, что сейчас разрешится): Извини. (Она поднимается из-за стола. Ее трясет.) Мне надо в уборную. (Оглядывает ресторан.) Где тут туалет? (Она проходит по залу. Стены затянуты драпировкой из поддельного красного бархата. Она не может найти туалет. Возвращается за свой столик, садится.)

КЛИФФОРД: Ну что, может, все-таки будем ужинать? Мне бы хотелось нормально поесть. (Помолчав.) Что ты сегодня читала, какие книги?

(Официант-китаец подходит принять заказ.)

КЛИФФОРД: Мне мясной карри, суп с вонтонами и жареные пельмени.

САРА: Мне... э... мне... у меня что-то нет аппетита. Как-то мне нехорошо. Спасибо.

КЛИФФОРД: Тебе надо поесть. Я не хочу, чтобы ты опять заболела.

САРА: Да, поесть. Надо. (Обернувшись к официанту.) Прошу прощения. Извините, пожалуйста. Простите. Я поем. Я обязательно что-нибудь съем.

КЛИФФОРД: Креветки под кисло-сладким соусом.

САРА: Нет, нет, пожалуйста, не надо. Я ненавижу сладкое. Креветки в чесночном соусе. (Официант, не скрывая презрения к этим плебеям, уходит)

САРА: Извини. Но я действительно не люблю сладкое.

КЛИФФОРД: Ешь что хочешь. И я буду есть, что хочу. Если хочешь, можешь съесть жареного пуделя.

САРА: Нет.

КЛИФФОРД (раздраженно): Заказывай пять блюд, шесть блюд. Я плачу. Но ты все равно все не съешь, вот в чем штука.

Ты все тратишь, тратишь изо всех сил, а съесть не можешь. (Она понимает, к чему все идет, и не может сдерживать слезы.) Я просто пытаюсь тебе рассказать, какая ты на самом деле.

САРА: Я ни разу не сказала тебе ничего плохого. Я лишь говорила и повторю сейчас, что тебе нужно разобраться со своей жизнью. Бросить эти свои грузовые перевозки и посвятить себя искусству. Разве это что-то обидное? Я думаю о твоём же благе.

КЛИФФОРД: Просто я могу справиться с чем-то тяжелым, а ты нет. Ты слабее меня. Такая женщина мне не нужна. Я думал, ты другая. А ты какая-то немощная.

САРА: Да, я слабая. И я никогда не пыталась казаться сильной. На людях я изображаю, какая я сильная, но это лишь маска, без нее не выжить, а мне НАДО выжить. Это все ненастоящее. Вот почему я люблю быть одна. Когда я одна, я могу быть собой. Это не потому, что я тебя не люблю. Просто мне нужно иной раз побыть одной.

КЛИФФОРД: Я уже понял, что ты слабая. А мне нужна сильная феминистка.

САРА: Тогда, может, тебе стоит найти другую? (С надеждой).

КЛИФФОРД (смирившись): Перестань плакать и ешь. Тебе надо поесть. Иначе опять заболешь.

САРА: Только не обижай меня. Пожалуйста.

КЛИФФОРД: Я пытаюсь нормально поужинать. А тебе обязательно нужно заводить дурацкие разговоры.

САРА: Мне?.. Я... (осторожно, послушно подносит ложку ко рту).

Мои слезы злят его еще больше, но я не знаю, как их сдерживать. Мне страшно.

В нем, как в зеркале, отражаются все мои чувства, но сам он этого не понимает.

:Джонни, я знаю: ты убьешь меня.

:Я убью тебя, моя радость.

:Я не хочу, чтобы ты меня убивал.

:Но мне нужны деньги, а у тебя они есть.

:Ты убьешь меня из-за каких-то грошей. (Это не вопросительное предложение.) Знаешь, если ты хочешь заняться любовью, давай займемся любовью. Мне хочется.

:Давай ты просто заснешь. (Его палец нежно скользит по ее подбородку, справа).

:Я уже возбудилась.

:Я тебя поцелую, и ты заснешь.

:Я не хочу засыпать. Что ты делаешь?

:Просто играюсь.

:Иди сюда, вставь мне по-быстрому, а потом можешь снова играть, сколько захочешь. (Джонни забирается на кровать и очень медленно, очень нежно целует ее в губы.)

:Я хочу трахаться. Я не хочу целоваться.

:Надо ведь что-то придумать, чтобы ты успокоилась.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ

Все – красное. Красное – вверх по реке, где она тянется среди зеленых сосен и старых шахтерских поселков; красное – вниз по реке, где мутные воды плещутся у причалов большого города, который когда-нибудь станет огромным (и еще более грязным). Красное – на дождевых топях, красное – на Квин-Энн-Хилл. Красное проникает в брошенные вагоны, растекается по искореженным рельсам, покрывает каждую травинку; красное поднимается вверх по докам и пропитывает стальные торговые суда. Красным налиты глаза у портовых грузчиков, когда они приходят домой с работы и бьют своих жен смертным боем красное на кончике сигареты красное в динамите красное в пламени. Красные припухшие веки и красные носы бездомных, что бредут по Пятой авеню мимо художников, у которых водятся деньги. Красный – цвет многоэтажек, построенных на телах стариков, которым теперь негде жить. Красная рука художника, но не от краски, а оттого что он ударил любовницу по лицу, подавляя свой страх.

День кровоточит все пуще, он красный – краснее не бывает, а самые грязные улицы – ближе к реке, на Белл-стрит, где я прожила полгода в вечном страхе перед своим возлюбленным.

Он не хотел делать мне больно. Есть много всяких желаний. Но это желание было таким явным. Ему было страшно. Этот страх пропитал все его существо. Страх возник оттого, что в юности он чуть не скатился на самое дно, продавал наркоту на улицах, никто его не жалел, он был бездомным, жил среди таких же бродяг, ни одна женщина его не хотела. Он стремился получить образование. Находил женщин все лучше

и лучше. Из каждой он выжимал все, пока она не сбегала, осмелев или отчаявшись. Он не хотел, чтобы прошлое вернулось. Он был безрассуден. Он был мужчиной. Он был крутым. Он был честным. Он не использовал людей. Он умел сам о себе позаботиться, и ему никто не был нужен. Но внутри таился страх. Он не мог вынести этого напряжения.

Хуже всего была стена, которой он отгородился ото всех, чтобы выжить. Он был упрям, как стальная стена. Он умел быть таким неприступным, когда хотел. Быть неприступным глупо. Никто не мог до него достучаться. Эта стальная стена – самое опасное, что в нем было, полное безумие.

Женщин привлекала его сексуальность, но все они от него сбегали. У него было много женщин, он мог получить любую, если она ничего про него не знала. Жить с этим мужчиной – сущий ад. Он никогда не расслаблялся. Он был как атомная бомба. Он считал себя утонченным и женственным, потому что, когда напивался (отдыхал), чувствовал только свою уязвимость и страх. А у страха женская природа: для женщины страх – это суть гетеросексуального секса. Я не знаю, верю я этому или не верю.

Я не хочу в это верить.

КЛИФФОРД: Для меня мир – враждебное место, и поэтому для меня очень важно иметь возможность делать все, что хочется. Сегодня я хорошо проведу время. Мне плевать, что ты чувствуешь. Может быть, ты умираешь, потому что ты всегда умираешь, чтобы меня извести. Чтобы уничтожить меня. Сегодня я хорошо проведу время. В такие дни, когда мне хочется развлечься, я ем блинчики и пью несколько чашек капучино, а потом иду по магазинам и смотрю на костюмы от Гуччи или Ральфа Лорена. После шести я пью шампанское или пиво с друзьями и играю в бильярд, я доволен и пьян. Знаю, нельзя напиваться, я сам виноват, я ни в чем не

виноват. Язык, на котором я говорю и который не могу подчинить, язык, который сопротивляется, который тебе не подвластен, умолкает, и с ним не справишься, язык всегда – где-то там вне меня меня меня меня. Язык – это тишина. Когда-то не было истины; теперь я не могу говорить.

Я еду в Париж, потому что в Париже никто не говорит по-английски. Там я смогу заниматься искусством.

Там я не смогу зарабатывать деньги. У меня никогда не было постоянного заработка, потому что я ничтожество. Я ненавижу правительство, это оно виновато во всем.

Я не люблю женщин, потому что ненавижу их пизды. Я не знаю, кто они такие. Нет, я знаю, знаю: они вечно чего-то хотят. Они считают себя совершенством. А я не хочу становиться лучше. Мне все равно. У каждого свои проблемы, а у меня нет никаких проблем.

Я решил, что с меня хватит женщин. Больше не буду жить с женщиной, надоело. Я хотел работать, и у меня не было времени.

Я все продумал, я выстроил свою жизнь, чтобы в ней не было места для женщины. У меня есть моя мастерская, безо всяких удобств: только кровать и рабочие инструменты. Когда мне надо помыться, я хожу в сауну на нашей улице – десять долларов в час. Я питаюсь в Беллтауне.

Знаю, что я много пью. И мне всегда хочется секса. Пару раз в неделю, когда той психопатке не удастся подцепить мужика, она приходит ко мне, в час или два ночи. Кроме секса, ей ничего от меня не нужно и мне от нее тоже.

Я водитель грузовика, неплохо зарабатываю, могу помогать художникам, у которых нет денег. Когда есть возможность, я покупаю их картины. Я угощаю их выпивкой. Я человек щедрой души.

ОНА: Его отношение к деньгам?

ОНА: Деньги – дрянь.

Раньше я думала, что он меня обманывает. Потом решила, что это безумие и паранойя. Но я хочу знать.

ОНА: Хочу расспросить тебя про Клиффорда. Если не захочешь отвечать на слишком интимные вопросы, я пойму. Просто уже столько раз было, что я не знала, где правда – где ложь, а теперь хочу узнать правду.

КЛИФФОРД: Дай я тебе кое-что объясню. Я тебе кое-что объясню. Очень хочу тебе кое-что объяснить. Я не склонен к насилию. Я никогда никого не ударил. Я не подниму руку на женщину. Я человек тонкий, но никто этого не понимает. Я не верю во всю эту хуйню о мужчинах и женщинах, сексизм – это мерзость. Мужчины, которые требуют, чтобы женщина прислуживала им и поклонялась – свиньи. Я часто рыдаю, я ранимый, как женщина. Но никто этого не понимает, я не хочу иметь отношение к этому миру. НЕТ.

Из-за собственного бесплодия он развивает в себе способность поглощать плодовитость других. Их истинное «я». Единственный способ добраться до подлинной сущности человека – обокрасть его. Только так можно добиться любви. Людям нужна любовь. Ты – мошенник.

Когда моя девушка заболела, она была хорошая, но заболела, чуть не умерла, мне было плевать, потому что, когда она больна, с нее нечего поиметь. Она нарочно заболела, чтобы отвергнуть меня. Это значит, что чем слабее она становилась, тем больше я у нее забирал. Только так между нами все по-честному. Я – феминист. Не хочу, чтобы женщина нянчила меня или указывала, что мне делать. Я хочу равновесия сил, вот почему она должна отдавать, а я – брать.

Я не потрудился придумать какую-нибудь ложь, так что она знала, что я обирую ее. Но она притворялась дурочкой, спрашивала меня, зачем я это делаю. Она притворялась не только дурочкой, но и страдальцей. Она все время ныла, пока

я спал, а мне надо выспаться, потому что я вкалываю, как проклятый, каждый день развожу грузы, у меня нет времени на все это притворное нытье. Она все плакалась, какая она беспомощная, никого не знает в чужом городе, полностью от меня зависит, и такая больная, что не может ходить по магазинам, ей очень хочется кушать, а я не даю ей поесть. Мне это все осточертело. Я не морил ее голодом, не вышвыривал на улицу. Она просто хотела быть у нас главной, чтобы я не мог ничего у нее забирать, а мне такое не нужно. Меня считают дебилом, потому что мне лень разговаривать с людьми. Их болтовня – как и ее болезнь – сплошное притворство. А мне надо вкалывать. Я всегда был предельно честным.

Она больна и поэтому стала вести себя так, будто боится меня. Не знаю: может, и вправду боится. Я слишком измотан, чтобы в это вникать. Мне надоело с ней возиться. Она сама меня довела.

Нет, я все-таки ей скажу. Она не умеет любить. Психолог сказал об этом. Говорит, я жестокий.

Кажется, я понимаю, но никто со мной не соглашается.

Я не дам ей сбежать отсюда, это ни к чему, так что я запер дверь. Знаю, мне не стоило запираить замок, но ее ведь никто насильно не держит.

В Париже живут две красивые девочки. Старшая – высокая, худенькая. Ее верхние веки всегда закрывают глаза на три четверти, и кажется, что она вечно смотрит себе под ноги. Из-за безразличия или смирения она похожа на монашку. Бледная кожа, абсолютно бесцветная на скулах, лишь подчеркивает ее сдержанность.

Младшая сестра, невероятно красивая девочка, сияет, подобно луне, у которой нет ночи, чтобы оттенить ее блеск. Ее щеки – точно розовато-оранжевые лепестки нежных роз. Глаза искрятся, невинные: они еще не попались в ненасытную глотку славы, им еще неведом страх перед силками,

которые расставляет сексуальная пресыщенность, они еще не стремятся стать чьим-то подобием: они настоящие. Ее волосы разлетаются, как перья на шляпках в витринах на бульваре Сен-Жермен-де-Пре. Ее чувства еще более неуправляемые, потому что никто не говорил ей, что их следует сдерживать, чтобы не страдать. Эта непредсказуемость добавляет ей очарования. Но она очень боится свою мать и скрывает свою необузданность.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ, продолжал тратить эти деньги

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ когда я спрашивала об этом, он отвечал

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ 60 000 долларов долга, и поэтому

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ как

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ прости, но разве твой первый муж не обобрал тебя на четверть миллиона

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ в наш последний год с Клиффордом, когда мы еще были вместе, мы ходили к психоаналитику.

:Я об этом не знал.

:Он сказал, что больше он нам не может помочь, потому что все очень запущено: Клиффорду нужно пройти курс лечения.

:Он по-прежнему сидит на наркотиках?

ОНА: Он такой странный в последнее время. Целыми днями таращится в телевизор, почти не шевелится и ни с кем не говорит. Мы с ним уже несколько месяцев не разговариваем.

ОНА: Он по-прежнему сидит на наркотиках?

ОНА: Наркотики? Знаешь, я прожила с ним полгода, но ничего про него не знаю. В будние дни он приходит домой с работы вообще никакой. Даже говорить не может. Сразу заваливается спать, потом просыпается и снова на работу. По

выходным быстро встает и уходит. И целый день его нет. А когда я его спрашиваю, где он был, – я не суюсь в его дела, просто пытаюсь с ним поговорить, – он так жутко злится, что я и спросить не решаюсь.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫЙ ТОНАХ только взять бритву и вскрыть себе вены у него на глазах.

:И как же вы выдержали с ним шесть лет?

:Всего три года.

:Три? А он сказал, шесть.

:С 1975-го по 1978-ой. Это с первым мужем мы прожили почти шесть лет.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ пустила кровь и возбудилась.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ привыкла.

ПОРТРЕТ В КРАСНЫХ ТОНАХ он все твердит мне, что я психопатка, потому что думала, что он пытается обобрать меня, но ведь когда свидетелей нет, толком ничего не узнаешь.

3. КОНЕЦ

Я думаю о тебе прямо сейчас и думала о тебе много дней когда я дрожу я вижу твое лицо и я не перестану это писать, потому что иначе отклонюсь от этой прямоты этого счастья этой сущности, которая существует. В то же время я больше не хочу с тобой общаться. Потому что ты, даже если это стечение обстоятельств, не полюбишь меня. Я опять веду себя как ребенок. Существуют сложности. Существуют тени, оттенки, никогда или-или, оттенки – это смыслы, выходи, гнусный хуесос

44 г. до н.э. Брут и Кассий убивают Юлиа Цезаря.

42 г. до н.э. Преступники Брут и Кассий терпят поражение в битве с армией Марка Антония при Филипах.

Марк Антоний заключает союз с Клеопатрой и пренебрегает своей женой Октавией (сестрой внучатого племянника Цезаря).

Мессала, известнейший покровитель поэтов, поддерживает юного Цезаря, который отворачивается от Антония.

31 г. до н.э. В битве при Акции юный Цезарь решительно разбивает Антония.

29 г. до н.э. Начало империи. Установление жестких порядков, централизация власти. Всякая аполитичная деятельность, вроде поэзии, считается противодействием централизации. Овидия отправляют в изгнание. Проперцию и Горацию велено прославлять императора.

К ДВЕРИ

– Почему ты не вставляешь в мою пизду при каждом удобном случае? Я люблю ебаться на людных улицах и почему ты говоришь, что хочешь дружить и работать со мной, а не трахать меня, но при этом НИКОИМ ОБРАЗОМ не хочешь перестать меня трахать? Хочешь ли ты обладать мной, не обладая? – говорит Цинтия, блудница. Она выходит на улицу в поисках Проперция, своего любовника. Ночь. Она находит его.

– Почему ты не возьмешь меня? У меня осталось всего пять минут. Зачем тратить время на что-то, помимо ебли? О, я верю в любовь, вещь, которой не бывает.

Тощая коровенка тащит телегу со сверкающей церковной утварью мимо мертвого убийцы

– К тому же ты жирный урод, я красивее тебя, у меня больше денег (я могу заработать больше за пять минут в этом мире): это ты должен приглашать меня на обед.

Вот дыра в окне, можем вылезти через нее и поебаться. Дыры.

Он, почесывая промежность: Мне нужно просто куда-нибудь вставить свой член. А куда совать – мне все равно. Когда я был маленьким, я забавлялся с бутылкой, в которой чего-нибудь было. Теперь я могу употребить и пизду, но, к несчастью, к пизде прилагается баба. Ради всего святого, девочка, я же мужчина! Лучший эротический сон приснился мне, когда я еще в школе учился: я ебал эту девчонку, которую давно хотел, ее дырка пропала, но я все равно продолжал наяривать, терся об нее членом. Я проснулся и спустил на постель.

На самом деле, я не хочу, чтобы у нас с тобой что-то было. Мне это не нужно. Мне нужна только пизда: раскрытая, мокрая, черная с красным.

ЦИНТИЯ: Почему ты меня не отпускаешь: я хочу уйти, вернуться в небытие, которое и есть свобода.

ОН: Ты мне очень нравишься.

ЦИНТИЯ: Я задираю ногу и поливаю тебя мочой. Это не помогает. Может быть, если я разрешу тебе все решать за меня, ты станешь моим папой.

ОН: Я не хочу ничего решать. Мне все указывают, что мне делать, а я ненавижу, когда мне указывают, что делать, поэтому я сторонюсь людей.

ЦИНТИЯ (*про себя*): Но я хочу, чтобы он меня любил. Он не даст мне того, что мне хочется, но мы хотя бы будем ебаться.

Они стоят перед огромным приоткрытым окном, за которым пустое пространство.

ЦИНТИЯ: Ну, давай. Прыгай. Да что с тобой, недоумок, прыгнуть не можешь? Слишком толстый для таких упражнений? У меня всего пять минут. Тебе даже делать ничего не придется, я сама все сделаю, мне тоже страшно, но я хочу. Эту плоть. Твои руки.

ОН: Тебя, кажется, ждут? Тот парень?

ЦИНТИЯ: Вот почему у нас только пять минут.

НА ПОРОГЕ

По ночам эти улицы очень узкие грязные неровная брусчатка не знаешь куда ступить и тем более в какую сторону идти здесь опасно всякие бандиты или точнее люди которые пытаются выжить скрываясь под слоем каменной кладки или в галереях ты их даже не замечаешь когда просто там стоишь. Совершенно невозможно уловить разницу между живыми и мертвыми. Преступления, вполне оправданные, сливаются с религиозными практиками, поскольку людям приходится делать что угодно, чтобы удовлетворить то, чего больше не удовлетворишь

Мы определим сексуальность как то, чего не удовлетворить; значит, она воздействует на человека и меняет его существо.

(Стилистически: синхронные противопоставления, экстравагантность, алогичность, недосказанность, бесформенные мысли, орфографические ошибки, что означает что? В чем тайна этого хаоса?)

(Поскольку возможности не существует, вот пьеса. Элегантность и совершенно разнузданный секс сочетаются прекрасно. Надежды, которым не суждено сбыться.)

Допрос – вот наша манера повествования.

ЦИНТИЯ: И чего ты все ходишь ко мне ебаться? У тебя есть подруга Проказница, ты ее любишь. Ты же сам сказал, что она тебя полностью удовлетворяет, и ты ее – тоже.

Проперций тупо тарашится на дверь.

ЦИНТИЯ: Мне противно угождать тебе. Немудрено, что ты хочешь женщину, которая считает тебя самым важным в своей жизни и никогда ни о чем не просит. Я такой быть не могу.

Проперций тупо таращится на дверь и чешет в затылке.

ЦИНТИЯ: ПЕРЕСТАНЬ ЕБАТЬ МЕНЯ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ТЕБЕ НРАВИТСЯ ЗАПАХ МОЕЙ ПИЗДЫ. Это единственный способ общаться с тобой, потому что ты аутичный.

ПРОПЕРЦИЙ: Вот. Это стихотворение я посвятил дверце твоей пизды.

О, маленькая дверца
Я так люблю люблю люблю тебя.

ЦИНТИЯ: Все хотят меня выебать, и скажу тебе: меня тошнит от такой жизни. Какая разница, ведь ты просто один из тех, кто ждет у моей двери. Ты просто еще один мужик, и мне на тебя насрать.

ПРОПЕРЦИЙ: Прошу тебя, пизда, я взял себя в руки и буду для тебя лучшим мужчиной. Знаю, что ты ебешься с кем-то еще и поэтому не подпускаешь меня. Ты дешевка, шпана, засранка, да кто вообще захочет иметь дело с трупами. *(Про себя.)* Вот так я пытался утопить свою скорбь.

ЦИНТИЯ: Я хочу, чтобы меня похоронили вот так, будь ты проклят

Сейчас я мертва. Я хочу:

Первое. Мои мама с папой и бабушка – все мертвы. Ну и хрен с ними.

Второе. Когда мать умерла, она лежала в гробу, отполированном до зеркального блеска, в траурном зале самого дорогого похоронного бюро Нью-Йорка – где умирают все сливки общества после того, как откинут копыта – все было ПОДДЕЛЬНЫМ, то есть все было по-настоящему, но бывают такие минуты, когда настоящее – это подделка, море цветов, тонны запахов, деревянные стены блестят, точно лак для ногтей; священник или раввин спрашивает меня: «Скажи мне что-нибудь хорошее про свою маму, чтобы я мог повторить это

(Мне нужно что-то сказать: СКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ!) над ее искалеченным телом» (все давно уже поняли, что светские люди – такие свиньи, что...) и я рассказываю ему, какая она красивая; никто не плачет, все пришли поглазеть на меня, как я пробираюсь вслепую по узенькому проходу, чтобы рассчитать меру моей истерики, я любила ее или нет? В самом начале похорон ко мне подходит наш семейный адвокат, хватая меня за лацканы пиджака: «Где 800 акций IBM?» «Какие еще 800 акций?» «Пропали 800 акций IBM, и никто не знает, как умерла ваша мать. Я подумал, может, она отдала их вам». «Она мне никогда ничего не давала, ни единого пенни».

Третье. Я делаю все ради плотской любви. Такая у меня жизнь, как будто меня уже нет, потому что меня никто не любит. Так что, КОГДА Я УМРУ, я умру, чтобы ты знал, что Я УМЕРЛА ИЗ-ЗА ТЕБЯ, и будешь за это в ответе. Вот что сделает с тобой моя смерть, и ты научишься любить. Убивая себя, я тебя прочу.

Четвертое. Ты тоже умрешь. Ты будешь, как я. Ты будешь там, где я теперь. Кость твоего члена застрянет в костях моей пизды.

Пятое. Вот почему жизнь – говно: потому что, когда я уйду, ты в ту же секунду меня полюбишь. Наша сексуальность рождается из подавления. Когда ты меня оттолкнешь, я умру у тебя на глазах. Все – ерунда, по большому счету. Только это меня и радует.

Пожалуйста, будь со мною поласковой.

БАРБАРЕЛЛА: Найди себе богатого мужика.

ДАНИЭЛЬ: Мне нужны деньги и власть.

ЦИНТИЯ и БАРБАРЕЛЛА (соглашаясь): Деньги и секс – вот основные критерии.

ДАНИЭЛЬ: Секс?

ЦИНТИЯ: Я вот что думаю: мне нужна жена, у которой есть член. Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Не понимаю,

почему мужики вечно пытаются обращаться со мной, как будто я могу быть им женой, а потом злятся и стараются побольнее меня обидеть, потому что я кто угодно, только не жена. Ну, какая из меня жена? Вы, вообще, представляете меня в роли жены? (Барбарелла хихикает.) Но когда я сексуально открыта, я сразу меняюсь, во мне проявляется все истинно женское.

БАРБАРЕЛЛА: А я хочу мужа. Нет. Хочу того, кто будет меня поддерживать.

ЦИНТИЯ: Ну, удачи тебе.

БАРБАРЕЛЛА: Я – и жена, и муж. Хотя сейчас никто из нас не получает то, что хочет, ну, кроме Даниэль, у которой есть все, наши желания непостоянны.

ДАНИЭЛЬ: Я могу быть женой. Я могу быть хозяйкой дома. Были бы деньги.

БАРБАРЕЛЛА: Меня уже не прикалывают отношения на одну ночь.

ЦИНТИЯ: Думаю, раз ты действительно поклоняешься сексу, ты не ебешься с кем попало. Даниэль ебется направо большую больше нас всех, и именно ей безразличен секс.

БАРБАРЕЛЛА: Большинство мужиков секс не любят. Они любят силу и власть, а когда у тебя хороший секс, ты теряешь всю силу.

ЦИНТИЯ: Без секса я не проживу.

Улица в Риме. Цвет неба – темно-синий. Видна одна звезда. Мало что можно разглядеть на этой улице – только различные оттенки черного.

ВНУТРИ

Теперь мы ебемся:

Во мне нет никакой утонченности, я обвиваюсь вокруг тебя как разъяренный снежный леопард, хочу разъяриться еще пуще, хочу рычать, и отравлять, и распалять ап ап, обвиваться вокруг твоих задних лап и мочиться, смотреть как торчит эта палка, я хочу твоей мочи, бьющей из члена. Я хочу, помоги мне. Мне нужна твоя помощь.

Разденься. Одежда лишает свободы. Одежда лишает свободы ноги и рот и красные зубы все еще дрожу очень сильно хочу, раздевая тебя

Почему ты не можешь хоть раз сделать что-то недозволенное? Я серьезно, черт побери.

Ударь меня.

Делай со мной, что хочешь.

Сделай хоть что-нибудь.

Разметать эту мерзость сопротивление – кровь для всех гордых я хочу стукнуть Кена по голове зеленой бутылкой хочу нанять бандита чтобы избил Пэм я отравлю твое молоко если ты не бросишь свою девку.

Секс – публичен: улицы созданы для того, чтобы мы ходили по ним нагие, достань свой член и обоссывай меня всю.

Вот он, порог. Обреки себя на незнание. Ноги трутся о ноги. Волосы переплетаются с волосами, вот, подушечка пальца, пробел, ладонь, пробел, волосы переплетаются с волосами, подлинное чувство.

Переступи этот порог вместе со мной.

Большой палец, два твоих пальца щиплют мне соски, пока твой хозяин корчится на мне. Красные глаза, смотрите мне прямо в глаза. Хуй, мои глаза смотрят, как ты вылезешь из

каштановых волос. Красные глаза, теперь вы смотрите как ваш хуй выходит из странных темных волос. Большой палец, два твоих пальца щиплют мне соски, пока твой хозяин корчится на мне.

Теперь ты ушел:

Мы регулярно встречались с Джоэлем Фишером, который, как мне всегда казалось, меня ненавидит; и Руди, которого я считала самым жестоким и грубым из всех моих мужиков, звонил мне чуть ли не через день и говорил со мной, когда я ему звонила. Питер, который живет в трех тысячах миль от меня с женщиной, которую обожает, звонит мне хотя бы раз в месяц.

А этому парню на меня наплевать.

Но когда он глядит на меня, я знаю: в нем есть слабина, он меня любит. Нет, не любит. Я вообще ничего не смогу, пока не узнаю, любит он меня или нет. Мне нужно знать: любит он меня или не любит.

И еще тебе нужно принять как данность, что ты в него влюблена, потому что, если ты бросишь его лишь потому, что он не млеет от восхищения при виде тебя, у тебя не останется ничего. А так у тебя остаются какие-то шансы (50%, или 30%, или 4%, или 1%), что ты будешь и дальше соприкасаться с любимой плотью.

Цинтия сидит перед зеркалом в своей квартирке в мешанском квартале римских блудниц и расчесывает волосы:

Чертов сукин сын надеюсь он попадет в ад надеюсь что его ОТРАВЯТ пусть дикие городские СОБАКИ всадят тысячи КЛЫКОВ в его мясо а двенадцатилетняя сифилитичка Дженни Смит обернет пизду вокруг его хуя я ненавижу этот хуй эти пальцы ненавижу черные волосы хочу чтобы его зубы раскрошили друг друга в мучительной схватке хочу чтобы его губы высохли в безднах Большого Каньона хочу чтобы его ПАРАЛИЗОВАЛО чтобы он больше не мог шевельнуться, но был в сознании:

Ну, гнида, это тебе наука. Ты поймешь, что такое не знать. Хочу, чтобы ты понял, что такое желать пуше огня. Самый сухой и самый холодный сухой лед: твоя макушка будет пылать, а все тело замерзнет затрясется мускулы сожмутся как бывает, когда приходится провести на полу целую ночь, ты познаешь все муки.

Ты должен понять, что такое желание.

Так говорит шлюха, неспособная сдержать свои чувства.

Этим женщинам, свободным, но робким, обожающим засиживаться допоздна, затемненные комнаты, азартную праздность, словесные состязания, достаточно было одних намеков.

Я наслаждалась восхитительной живостью их состоящего из полунамеков языка, напоминающего о подавленной ярости, знакомой подросткам. Их репликами, редкими и точными, словно изгнали какого-то мужика-тугодума и женщины стали разговаривать внятно и полноценно.

В первый раз, когда я ужинала у нее, три коричневые свечи роняли восковые слезы, не рассеивая мрака. Низкий восточный столик искушал разнообразными яствами – полосками сырой рыбы, накрученными на стеклянные шпаги, паштетом из гусиной печени, креветками, салатом с перечно-клюквенным соусом, превосходным брютотом «Пайпер Хайдсик» и очень крепкими русскими, греческими и китайскими водками. Я не могла поверить, что подружилась с этой женщиной, опустошившей бокал с самозабвением, с которым человек в опиумном забытьи смотрит на пламя, пожирающее его руку.

«Хозяина» никогда не называют женским именем. Мы словно ожидаем, что произойдет какая-то катастрофа, и она перенесется в нашу среду, но она просто продолжает отправлять невидимых посланцев с грузами яшмы, эмалей,

лакированных вещиц, мехов... От одной диковины к другой... Кто темный прародитель всего этого вздора?

– Скажи, Рене, ты счастлива?

Рене зарделась, улыбнулась и вдруг замерла.

– Конечно, дорогая Колетт. Отчего ты хочешь, чтобы я была несчастна?

– Я не говорила, что я этого хочу, – возразила я.

– Я счастлива, – объяснила мне Рене, – но сексуальный восторг так велик, что мне неважно.

Проперций решает, что ему больше не хочется пялить Цинтию:

Как такое возможно, чтобы эта пизда, от которой воняет протухшей рыбой, которая удовлетворила столько мужиков, орды мужиков, больше, чем воинов у Великого Цезаря – была невинна? У меня особые запросы. Кроме того, она прозябает в такой нищете, что в ней нет и не может быть жизни, изысканной и утонченной: она не подарит мне красоту, которая есть сущность женщины, и которой я, безусловно, достоин. Она – не женщина, это ходячее растяжение стальных треугольников и цилиндров.

А вот моя подруга убьет любого, кто посмеет меня обидеть. Она за меня глотку перегрызет. Когда я умру от цирроза печени, вспоротого живота, трех ударов в лицо и черных следов от уколов – да, я живу полной и яркой жизнью, как физически, так духовно, – моя подруга тоже умрет. Хотя, с другой стороны, шлюха ходит по рукам, от мужика к мужику; она – ничья. Так что я никогда тебя не полюблю, это невозможно по определению, а если и ебусь с тобой, то исключительно потому, что ты – всего лишь доступная пизда. Феминистки правильно говорят, что избавиться от проституции можно, засадив всех блядей в тюрьму.

ЦИНТИЯ: Я ждала тебя.

ПРОПЕРЦИЙ: Какого хре... (Прижимает к себе другую девушку.) А, привет. Я занят.

ЦИНТИЯ: Просто хотела тебя повидать.

ПРОПЕРЦИЙ: Я сейчас кое с кем занят. Позвоню тебе завтра.

ЦИНТИЯ: Прошу тебя. (Тут ничего не поделать.) Ладно. (Проперций и его брюнетка входят в дом. Бродячий пес залаяет.)

Собачья улица. Две линии домов уходят в ренессансную перспективу. Эти линии – на вид сопряженные фасадами трехэтажные городские дома. Солнце и три четвертинки луны фальшиво висят над одним из домов. Обычные домашние вещи: лампы, часть стола, половина рваной пластиковой розовой кухонной занавески, – закрывают часть окна. Перед домом собака склонилась над корзиной с грязным бельем. Две собаки, одна высовывается из окна чуть подалее другой, воют, раззявив пасти. У них белые, острые, очень длинные зубы и красные языки. Одна собака над своей бельевой корзиной сплетничает с другой собакой. Две молодые собаки лупят друг друга на обочине. С обеих сторон вдаль уходят высокие узкие окна.

Цинтия лает, как собака:

Я больше не могу справиться с собой, я всего лишь девочка, я не просила Бога родиться девочкой. Когда я смотрю на вещи трезво, я понимаю, что я инопланетное существо. Я ненавижу все в этом мире. Но я не способна размышлять. Ты такой красавчик. Мне нужно вытащить тебя из своего тела, потому что ты – болезнь. Я не хочу и почему я должна хотеть такую прелесть, как ты. Я буду идти за тобой, причитая, мне плевать, как ты реагируешь на меня, потому что – почему бы и нет, мой любимый.

Она подходит к дому Проперция и садится у двери. Хотя он ей безразличен. Он не дарил ей подарков. Ни одного. Дверь остается закрытой.

Огромный лысый полуголый мужик открывает дверь и опирается о косяк. Цинтия встает и уходит.

Ты, только ты возникаешь из моих самых прелестных
забот, исцеляющих всякое горе

Всегда – несвободный, ибо твой жребий
«ЗАХОДИ СЮДА ЧАЩЕ»

Мои выдумки волей моей

станут общепринятыми формами

Проперций, твоё прошение, а мир, Питер, твой.

Заново определить сферы секса, ну что же секс
я лезу из-за тебя на стену.

Мне надо смириться, что я – не женщина.

Надо смириться, что меня никто не полюбит.

Надо смириться со страшной мыслью,
что без любви мне не жить.

Здравствуйте, стены.

Как вы живы-здоровы?

Здравствуйте, часики.

Присмотрите, пожалуйста, за Проперцием, вы здесь
потому что мне уже не подойти к нему близко.

Теперь он – запретная зона.

Цинтия ложится на мостовую и режет вены бритвой. Бом-жи предлагают ей выпить. Безумие отрезвляет алкоголика, держит свирепого зверя в невидимо запертой невидимой клетке, обращает бурлящие громады угольных туч в белый покой, уводит в глухую завязку закоренелого нарка, как будто

ему снится сладкий сон, уничтожает потребность в СЛАВЕ, которую невозможно насытить.

Я – всего-навсего одержимость. Ходячая мания. Не обращай ко мне иначе. Меня лучше не знать. Думаешь, я существую?

Осторожнее. Безумие – это реальность, а не извращение.

ПРОПЕРЦИЙ О ПРИРОДЕ ИСКУССТВА

ПРОПЕРЦИЙ: Прочтите хоть всю антологию греческой поэзии, от корки до корки, вы не найдете там ни одного любовного стихотворения, где автора интересует индивидуальность возлюбленной.

(Проклятые потаскухи: жаль, что к пизде прилагается баба; я люблю женщин, но все они психопатки. Они живут чувствами. Мне нравится эта девчонка, с которой я был прошлой ночью. Когда я ей вставляю, она громко стонет. Интересно, она хоть отдаленно представляет, о чем я думаю? Знаю, я свинский мачо, но почему бы и нет, я такой, какой есть, и не хочу быть другим, меня волнует лишь Стихосложение. Их истерики и всплески эмоций – для меня это второстепенно.)

Моя женщина – черная дыра уязвимости, она берет от меня все, что может, она Не Человек. Она тащит меня, куда ей вздумается. Мне надо о ком-то заботиться.

Женщины, я использую все, что смогу: я растопчу ваши страсти и устремления, пусть даже от этого вы умрете, я буду, как слон, и все уродливое остается уродливым, а неизбежные муки сознания – такими же, как у меня. Во мне поместится все.

Мои стихи излечат тебя от страданий. Дай мне пять баксов, видишь, я стою совсем недорого, я могу обойтись и дешевле, я расскажу тебе, как сделать, чтобы тебя полюбил человек, который тебя не любит. Я тебя научу, как справляться с пронзительной болью, когда девчонка, в которую ты влюблен, плюет тебе в рожу и ебется с другим у тебя на глазах.

АВГУСТ (устаи Мецената, своего советника по литературе): Ты не поэт, ты слизняк, потому что твои стихи только про чувства. Настоящий мужчина не обращает внимания на чувства. Мы должны позаботиться об Империи: должны обеспечить людей продовольствием, чтобы его было вдоволь; нам надо приглядывать за алчными торгашами, которые рвутся к власти.

Мы – наставники. И если мы будем учить людей, что утонченные чувства достойны внимания, мы тем самым разрушим все социальные связи, которые необходимы для жизни.

ПРОПЕРЦИЙ: Если мои стихи идут вразрез с социальными связями, значит, такой уж я есть. И в гробу я видал твоего Императора и твой социум.

МЕЦЕНАТ: Тебя заботят только твои мелочные страстишки.

ПРОПЕРЦИЙ: Ты, Меценат, тоже когда-нибудь сообразишь, что не одним только разумом жив человек, и что разум часто подводит, и тогда, впавший в отчаяние, несведущий, ты обратишься к моим стихам

Проперций уходит прочь, потому что не любит, когда его личные переживания становятся достоянием общественности. Общественность – это образ суровой непреклонности, и лишь в этом качестве она забавна. Скрытый тенью, он указывает на скопление персонажей из мира искусства, которые входят в сияющий роскошью салон, где их встречает прекраснейшая плоть Рима.

Один из них только что проявил свой самобытный талант, и первый же созданный им портрет доказал, что он равен

своему учителю. Скульптор о чем-то болтает с одним из этих сатириков-острословов, которые не признают добродетелей и считают себя умнее всех остальных. Все разговоры об одном и том же: либо как они зарабатывают на жизнь, либо кто из них самых известный. В эти отчаянные времена все стремятся обеспечить себе безбедное существование. Поскольку любые идеи предназначены исключительно на продажу, ими не делятся. Горстка женщин существует для поддержания видимости, что секс еще возможен. Глаза не видят ни лиц, ни ртов, все разговоры вслепую.

Да, можно сказать, что я пишу о сексе и насилии, с насилием и сексом, и поэтому мои книги не стоят внимания, они используют и прославляют чувственные удовольствия, и все обыватели, иступленные моралисты, говорят, что я мерзкий свирепый садист, а я скажу так:

– Обидчивое, нервное племя, не сведущее ни в чем, что вы умеете, кроме как изводить свое сердце завистью, вы не знаете, что это такое – впиваться губами в пизду, писательский труд больше не ценится как редкий дар. Все уже сказано. Эти строки – они не мои: ДЕМЕТРА Филета значительно лучше его долговязой старухи, и меня у него больше прельщают коротенькие фрагменты. Пусть журавль-что-кормится-кровью-пигмеев летит из Египта во Фракию, оставаясь, как я у тебя в объятиях, бесконечная бесконечная серость, пусть смерть ударит по массагетам, что вышли против мидян; что здесь такое; желание, жестокость – их никогда не убудет. Ступай и умри, вредоносное племя Дурного Глаза, или выучись судить о поэзии по меркам искусства: искусство – это усовершенствованное насилие. И не смотрите на меня, я не буду менять этот мир: я здесь вообще ни при чем.

– Но если бы между вами не было этих темных улиц, и риска, и старика, которого ты только что бросил, короче говоря, если бы не было никакой опасности, торопился бы ты так неистово?

РАЗГОВОРЫ С ЛЮДЬМИ, КОТОРЫХ НЕТ РЯДОМ

– Радость моя, – говорит Проперций, обращаясь к Цинтии, которой нет рядом, – я знаю, что ты прошла через ад, потому что я не хотел с тобой разговаривать.

Я знаю, что в то мгновение, когда я прекратил с тобой разговаривать, ты вскрыла вены (ты сделала так потому, что когда ты была подростком, ты регулярно резала руки бритвой, чтобы изведать собственный ужас), а потом, что гораздо серьезней, у тебя развилась инфекция яичников, потому что ими так долго пренебрегали, ты старалась, я знаю, что ты старалась, ты избегала меня (кроме тех случаев, когда ты мне звонила, к телефону подходила моя подруга, а ты вешала трубку).

Я перетрахал столько девок, приводил их в эту сауну с бассейном в пентхаусе, которым мне разрешили пользоваться. Прекрасные девушки проходили друг мимо друга на лестнице. Руки и ноги исчезают в тени, и больше нет ничего.

Сейчас я живу с одной девушкой. Я ее совершенно не знаю.

ПРОПЕРЦИЙ РАССКАЗЫВАЕТ ЦИНТИИ О СВОЕЙ ДЕВУШКЕ.

– Чем больше я узнавал о том, как она трахается за моей спиной с мужиками, с которыми я же ее и познакомил, тем сильнее становилась моя готовность сделать все ради нее – это было безумие, потому что я знал, что она собирается меня бросить. Но разрешая женщинам чувства, я отталкиваю их. А потом все кончилось, она сбежала с любовником.

И поэтому я хочу тебя.

Если ты не помешалась на мне, похотливая сучка, тогда пить тебе кровь – сейчас ты живешь на доходы от бабкиных

капиталов, но ты тратишь больше, чем имеешь – и пусть твоя пища, что бы ты там ни ела, всегда воняет протухшими потрохами, о, человек, ты всегда, всегда будешь жалеть о том, кто ты есть. Пусть мысли, твои грезы превратят тебя в жертву, сожрут тебя, пизда. Ты смотришь по сторонам, смотришь по сторонам, смотришь по сторонам: все люди – такие придурки, жалкие ненасытные волки. Собаки и кошки теперь одичали, грызут крошащийся белый бетон. Длинные заостренные алые ногти раздвигают срамные губы, вонзаются в припухлую мягкую красноту, а вот здесь, у напряженного соска еще один ноготь.

Образов больше нет. Вот так все и бывает, вот почему ты не сможешь уйти от меня. Осталась одна одержимость.

«Любовь обернется против влюбленного и изложет его».

Проперций стоит на коленях, потому что теперь он беззащитен.

– Вчера ночью мне снился сон, Цинтия. Я лежал на кровати, а ты стояла надо мной, кольцо, что я тебе подарил, твой палец, рука, белая раскрытая ладонь. И ты произнесла такие слова:

«Я не хотела тебе говорить, что твоя подруга тебе изменяет и спит, с кем попало, но 1) ты только что заявил, что я никакая не женщина, потому что занимаюсь «карьерой», а раз я не женщина, то меня не полюбит ни один мужчина. Это больно слышать. 2) Ты всегда диктовал мне условия, какими будут наши отношения, а я постоянно думала о тебе, а ты говорил НАДО БЫТЬ БЛАГОРАЗУМНОЙ, когда я не была благоразумной: это меня смущало. Я объяснила свое отчаяние, я сказала тебе, что я знаю, что твоя девушка тебе изменяет, и вот почему я тебя люблю. Но как только я заговорила, – взрыв! – так что я отступилась и стала мямлить: я просто слышала сплетню, эта сплетня старая, кроме тебя, она ни с

кем не ебалась. Мне не надо было слушать сплетни. Пусть мне будет больно. (3) Я сказала: «С Проперцием покончено», но мое тело откликнулось: я вонзила лезвие в свою плоть и увидела дыру в мясе, обнажившую два тонких багрово-синесерых проводка – они напугали меня, напомнив подбородок моей матери через три дня после ее самоубийства, тело болевает. Я не из тех баб, которых можно набить, но

Почему я люблю тебя? Почему я люблю тебя так, что сейчас не могу себе даже представить, как можно жить без тебя, без тебя я умру, я этого не понимаю, я просто знаю, что это так».

Цинтия ушла от меня, и я проснулся.

ПРОПЕРЦИЙ ОБРАЩАЕТСЯ К ЦИНТИИ, КОТОРОЙ НЕТ РЯДОМ

– Я тебя не хочу, потаскуха, потому что любовь сводит с ума, а я не хочу обезуметь.

Моя мама покончила с собой, а я сбежала из дома. Моя мама покончила с собой в гостиничном номере, потому что была одинока и в мире не было никого, кроме нее, она хочет – в самую глубь, но их никак не извлечь из тела, нет такого хирурга, который их удалит, нет никого, кроме смерти, телу будет больно. Бывают дни, когда нечего есть, и такие дни нужно просто пересидеть.

Я сбежала от боли.

Все, что есть, оно есть. Никакой выдумки. Все настоящее. Боль. Просто детали: улицы, зеленый мешок с мусором, рядом дрыхнет бродяга, друг, так много времени, так мало времени, еды – завались, нечего есть, идем в кино с Джеффри, я не знаю, лучше мир стал или хуже по сравнению с тем, что было, я знаю, единственная настоящая боль – когда ты убегаешь.

Милая мамочка,

К О Н Е Ц

СОДЕРЖАНИЕ

1. Плагиат	4
2. Истоки романтики	56
3. Конец	104

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Андрей Башаримов
ИНКРУСТАТОР

В созданной им самим системе Башаримов достиг едва ли не виртуозного совершенства... Башаримов строит не логичные отношения, но текстовой аттракцион...

Русский Журнал

Читая его тексты, узнаешь: да, люди именно так нервничают, именно так думают, расстраиваются, бредят спросонья, фантазируют, анализируют, сравнивают. Именно подобную литературу следовало бы, наверное, назвать реализмом...

НГ-Exlibris

Андрей Башаримов
ПУТОВКА

Проза Андрея Башаримова сигнализирует о том, что новый век уже наступил. Кажется, это первый писатель нового тысячелетия – по подходам своим, по мироощущению. Башаримов сильно отличается даже от своих предшественников (нового романа, концептуальной парадигмы, Сорокина и Тарангино), из которых вроде бы органично вышел. Мы присутствуем сегодня при вхождении в литературу совершенно нового типа высказывания, которое требует пересмотра очень многих привычных для нас вещей.

Дмитрий Бавильский

Андрей Башаримов, кажется, верит, что в русской литературе еще теплится жизнь и с изощренным садизмом старается продлить ееанию.

Маруся Климова

Егорий Простоспичкин
РАЗГОВОРЫ С ДОННОЙ АННОЙ

Князь Егорий Простоспичкин является одним из признанных авторитетов в области прикладной и теоретической демонологии, автором многочисленных исследовательских статей по сравнительной истории религий и индоевропеистике, активным членом ложи Свободных Каменщиков, при посвящении в которую он получил титул Комедиум, одним из патриархов древнего, как утверждает, Ордена РоСД(ТМ). Уважительно величаемый в определенных кругах Сеньором, в данной книге он предстает и как блестящий прозаик. Тонкое чувство юмора, удачные метафоры, элементы эротики, по-настоящему мрачного колорита декорации, все это дает возможность по-новому взглянуть на суровую и таинственную фигуру князя.

Шиш Брянский
СТИХОТВОРЕНИЯ

Творчество Шиша Брянского, как и само его имя-маска, очевидно значащее партизанский кукиш захватчикам родной речи, порождены ощущением отчаянья. В качестве «лирического субъекта» собственного стихотворчества Шиш Брянский являет собой тип экзальтированного дебила, знающего и восторженно любящего поэзию Клюева, Кузмина и Есенина.

Textonly

Шиш явил нам свой особый путь преодоления инерции современной поэзии. За его стихи не стыдно, что они – стихи.

Вестни

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Гарик Осипов
ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА

Гарик Осипов умудряется в небольшой эпизод вместить целую эпоху – с ее слегка экзотическим ароматом, распробовать который под силу только людям, поставившим себя над временем.

Jalouse

Гарик Осипов раздвинул границы банального, показал, как избежать искушения превратить самодостаточность в безвкусицу.

Playboy

Граф Хортица демонстрирует самую правильную жизненную идею – тотального и бесповоротного эгоизма в любых внешних условиях.

ОМ

Дмитрий Волчек
ДЕВЯНОСТО ТРИ!

Проза Дмитрия Волчека, на первый взгляд аморфная, как сон, и беззащитная, как стихотворение, медленно складывается из повторяющихся образов, знаков и магических цифр. Кирпич за кирпичиком, главка за главкой – всего девяносто две, чтобы оставалось легкое ощущение недосказанности. Вполне устойчивое сооружение; при благоприятных условиях переживет и нас с вами. Коль скоро прирученные бесы так мило копошатся в щелях этого уютного универсума (назови его хоть Храмом невинных душ, хоть Серебряной книгой), внешней угрозы ждать просто-напросто неоткуда.

ExLibris

Читатель «Девяноста трех!» оказывается в жестокой вселенной невзрослых мужчин – во внекосмическом мире инициационного мифа, в крошечном пространстве, где возможны и желательны нарушения всех природных законов и всех социальных запретов.

Новая Русская Книга

Уильям Берроуз
ДЕЗИНСЕКТОР!

В берроузовских историях, как всегда, полно несовершеннолетних демонов деструкции, лимонных мальчишек, молодых оборотней, фриков, одинаково разлагающих и классический концерт, и предвыборный митинг. Подобно радиопомехам в текст вторгаются обрывки соседних текстов, вирусы анархии, самостоятельно путешествующие внутри прозы благодаря известному методу «разрезок», изобретенному Берроузом и его геноссе Брайаном Гайсиным в марокканском Танжере. Разумные паразиты странствуют из мозга в мозг. Человечество – беспонтовая компания биороботов, оставшихся без хозяев после ядерного апокалипсиса в монгольской пустыне, – еще одна идея Гайсина, пронизывающая всю книгу.

ОМ

Уильям Берроуз
БЛЭЙДРАННЕР

Предсмертный бред знаменитого гангстера... Исчезновение тайной библиотеки предводителя секты ассасинов... оргии в гигантском лепрозории... опустошенный Нью-Йорк 2014 года... Это фильмы Уильяма Берроуза, которые вы никогда не увидите на экране.

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Гай Давенпорт
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПОЕЗД ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ

В литературной культуре, недостаточно знающей собственное прошлое, переполненной банальными и затертыми представлениями, чрезмерно увлеченной неосмысленным настоящим, отважная оригинальность Давенпорта, его эрудиция и историческое воображение неизменно поражают и вдохновляют.

Washington Post

Рассказы Давенпорта, полные интеллектуальных и эротичных, скрытых и явных поворотов, блистают, точно солнце в ветреный безоблачный день.

New York Times

Он проклинает прогресс и защищает пользу вечного возвращения со страстью, напоминающей Борхеса... Экзотично, эротично, потрясающе!

Los Angeles Times

Деликатесы Давенпорта – изысканные, элегантные, нежные – редчайшего типа: это произведения, не имеющие никаких аналогов.

Village Voice

Фернандо Вальехо
БОГОМАТЕРЬ УБИЙЦ

Пожилото писателя и юного наемного убийцу, встретившихся в колумбийском городе Медельин, объединяет презрение к человечеству. Они без раздумий убивают каждого, кто покушается на их покой. «Богоматерь убийц» – автобиографический роман колумбийского классика Фернандо Вальехо, экранизированный в 2000 году культовым режиссером Барбетом Шредером.

Это книга, основанная на душераздирающем опыте, остроумная, высокомерная и безжалостная.

Марио Варгас Льюса

Фернандо Вальехо не щадит никого. Наследник Вольтера и маркиза де Сада, он глумится над женщинами, бедняками, политиками, церковью и своей родиной. Он не скрывает, что любит животных больше, чем людей, а своим любимым развлечением называет литературную провокацию.

Альваро Матус

Ярослав Могутин
ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Могутин – новый хулиган русской литературы. Писатель с энергией раннего Маяковского.

Виктор Ерофеев

Тексты Могутина вышибают все охранительные клапаны литературы. В его книжках есть несомненный талант, они преступны, а это похвала для художника... Могутин выбрал для себя экстремальный, тяжелый путь. Скорее всего этот путь приведет его к преступлению или самоубийству... а если нет, то к забвению и выпадению прямой кишки годам к 35-ти.

Эдуард Лимонов

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Филип Ридли
СТРАХ ГИАЦИНТОВ

Филип Ридли (р. 1964) – один из самых ярких писателей британской новой волны, драматург, художник и кинорежиссер. В своих романах, рассказах, пьесах и фильмах (культовые ленты «Зеркальная кожа» и «Темный полдень») он создает мир, пронизанный черным юмором и эротическим символизмом, где нежность переплетается с жестокостью, а страсть с апатией.

В кино, театре, прозе и акварелях Ридли обнажает темную сторону человеческой природы, исследуя двусмысленность чудовищного и прекрасного.

Observer

Филип Ридли – писатель, которого можно назвать гением – создатель самых любопытных, гротескных и завораживающих британских пьес и фильмов последних лет.

Time Out

Илья Масодов
КЛЮЧ ОТ БЕЗДНЫ

Масодов – это сегодня один из лучших русских писателей, даром что не всем придется по вкусу его суровая педофильская готика с революционно-эзотерическим уклоном. Такую книгу мог бы написать Платонов, покусанный малолетними упырями.

Weekend

Владимир Сорокин отдыхает! Гной и сало не катят! Литературный наследник Платонова и Мамлеева, патологический «русский космист» Илья Масодов выступил с новой книгой, читать которую мы вам не рекомендуем, хотя без нее картина современной русской литературы была бы не полной.

НГ-Exlibris

Ужасы, описанные языком Платонова, скрещенного с Бажовым и умноженным на Мамлеева, нагнетаются с сорокинским напором и мощью. Не случайно «Мрак твоих глаз» – прошлая книга Масодова – получила предупреждение от Минпечати России за многочисленные описания «убийств, глумления над трупами, непристойных сцен, провоцирующих низменные инстинкты».

Еженедельный Журнал

Илья Масодов
МРАК ТВОИХ ГЛАЗ

Если вам нравится готический мрак с сильным депрессивным послевкусием, мистик и эзотерик Масодов – ваш кандидат.

Русский Журнал

Илья Масодов
ТЕПЛО ТВОИХ РУК

Я вижу, как холодной зимней ночью, уютно устроившись в свежевыкопанном гробу, ты начнешь неторопливо перелистывать страницы этой милой книжечки, периодически вонзая свои острые зубы в шею лежащей рядом синеватой девочки с пионерским галстуком на плечах.

Журнал «Хулиган»

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Антонен Арто
МОНАХ

Переложение готического романа XVIII века, «Монах» Антонена Арто – универсальное произведение, рассчитанное и на придирчивость интеллектуала, и на потребление масскульта. Основатель «Театра Жестокости» обратился к сочинению Мэтью Грегори Льюиса в период, когда главной его задачей была аннигиляция всех моральных норм. Знаменитый «литературный террорист» препарировал «Монаха», обнажил каркас текста, сорвал покровы, скрывающие вход в лабиринты смерти, порока и ужаса. «Монаха» можно воспринимать как образец «черной прозы», объединяющей сексуальную одержимость с жестокостью и богохульством, и как сюрреалистическую фантазию, – нагнетание событий, противоречащих законам логики. Перевод романа издается впервые.

Грандиозный шедевр фантастической литературы... завораживает читателя, переливаясь тысячами огней... дух сверхъестественного пронизывает эту книгу до самой ее сердцевины.

Андре Бретон

Хроника чумы и смерти, миазмы потаенных глубин человеческой души, обнаруживающей свое присутствие тончайшим переливом цветов, чудесными преломлениями и радугами, волшебным блеском черной жемчужины.

Жан Кокто

Алистер Кроули
СВЯТЫЕ КНИГИ ТЕЛЕМЫ

Дух снизошел на меня, и я написал множество книг способом, который с трудом могу описать. Я не могу назвать это автоматическим письмом. Могу лишь сказать, что я не находился в полном сознании в тот момент, когда писал, и чувствовал, что не имею права «изменить» даже начертание букв. Эти книги были написаны очень быстро, я ни разу не останавливался для обдумывания и не осмеливался что-либо исправлять. Не сомневаюсь, что эти книги – работа независимого от меня интеллекта.

Алистер Кроули

Моник Виттиг
ЛЕСБИЙСКОЕ ТЕЛО

«Лесбийское тело» – самый радикальный феминистский роман XX века. В лесбийской «Песни песней» Моник Виттиг предлагает «пересказывать собственное тело», деконструируя патриархальный мужской язык ради создания нового языка лесбийского бунта против гетеросексуального общества.

Книга высочайшего класса, ни с чем не сравнимая по своей смелости.

The Boston Globe

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Кеннет Грант
ПРОТИВ СВЕТА

Кеннет Грант (р.1924) – крупнейший британский оккультист, ученик Алистера Кроули и Остина Османа Спейра. Основатель Ложи Новой Изиды и Тифонианского Ордена Восточных Тамплиеров, – магических обществ, работающих с темной стороной кабалистического Древа Жизни. Автор девяти книг, объединенных в циклы «Тифонианских трилогий». В романе «Против света» (1997) Грант изучает свою оккультную родословную, восходящую к ведьме Аврид, казненной в 1588 году за сношения с дьяволом в образе крокодила. Русский перевод книги публикуется впервые.

«Против света» – книга для отважных читателей, готовых бродить по темным лабиринтам и разглядывать удивительные картинки в сюрреалистическом калейдоскопе. Этот роман дышит мрачной роскошью болотного царства, где твердую почву сменяет податливая трясина. Врата, которые отыскал Кеннет Грант, отворены для всех, кто рискнет погрузиться в ошеломительные извивы нелинейного повествования.

Иэн Фрайз

Кэти Акер
КИСКА – КОРОЛЬ ПИРАТОВ

Гений Кэти Акер обитает в мире полузабытых снов: Эти сны нелегко понять, но вы надеетесь увидеть их снова.

Hotwired

Лучшая из писателей-панков, уникальный голос, – дерзкий, отважный, эротичный и умный.

Esquire

Пьер Гийота
ЭДЕМ. ЭДЕМ. ЭДЕМ.

Впервые на русском языке один из самых скандальных романов XX века. «Эдем, Эдем, Эдем» – невероятная, сводящая с ума книга, была запрещена французской цензурой и одиннадцать лет оставалась под запретом.

Эта книга пахнет спермой и убийством. Эта книга – кошмарный оргазм. Это идеальная книга для современной Европы.

Стивен Барбер

Гийота написал книгу на ошеломляюще новом языке. Я никогда не читал ничего подобного. Никто еще не говорил так, как он говорит в этом романе.

Мишель Фуко

Вообразите, как воеет раненый волк, а потом представьте, что звук этого воя прodelьвает жуткие раны в теле человека, который его слышит. Таков опыт чтения романа «Эдем, Эдем, Эдем».

Bookmunch

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пирог на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

«Ozon» – www.ozon.ru
«Межкнига» – www.mkniga.ru
«Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ», телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным платежом
редакция просит обращаться по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет: www.mitin.com/request.shtml

Кэти Акер БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

KOLONNA Publications: Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 60 X 90/16, объем 13,5 п.л.,
подписано в печать 09.01.2005 г.
Гарнитура NewBaskerville, TiemsseC.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0014
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
«Тверская фабрика печати», 170021, г.Тверь, Белжковский пер., 46.
Электронная почта (E-mail) – tfk@tvcom.ru